

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У «Б е л Г У »)

СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМЕНИ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИРОДНОГО И БОЖЕСТВЕННОГО В
РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТАХ МИРА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 48.04.01 Теология
очной формы обучения, группы 87001510
Смирных Алексея Викторовича

Научный руководитель
доктор философских наук, профес-
сор, зав. кафедрой философии и
теологии Липич Т.И.

Рецензент
Гоголюк Ю.Е. кандидат богосло-
вия, доцент кафедры философии и
теологии социаль-
но-теологического факультета
НИУ БелГУ

БЕЛГОРОД, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИРОДНОГО И БОЖЕСТ- ВЕННОГО В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТАХ МИРА	14
1.1 Иконография и среда обитания божеств	14
1.2 Функции божеств умирающей и воскресающей природы	24
1.3 Атрибутно-символическая характеристика божеств	35
ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ РИТУАЛА ПРИРОДНОГО И БОЖЕСТ- ВЕННОГО У ГРЕКОВ И РИМЛЯН	46
2.1 Обрядовая практика природного и божественного в культурах антично- го мира	46
2.2 Священные сооружения и места поклонения божествам	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	91

Введение

Актуальность исследования. В глубокой древности человек не отделял себя от природы, но это не значит, что он не стремился понять, объяснить мир, в котором жил. Видимо, один из первых способов постижения мира был связан с перенесением человеком своих собственных свойств и ощущений на весь окружающий мир. Так появилась вера в то, что природа – живая. Чуткий, настороженный, внимательный человек древнейших времен просто не мог не ощутить незримо присутствующую в мире силу, от которой зависели жизнь и смерть.

Протоиерей А. Мень в своей «Истории религии» писал, что наука не знает ни одного народа, как бы низко не стоял он в своем развитии, который не имел бы представлений о божестве, наивных и грубых верований. Вместе с этими верованиями возникают рассказы о богах, героях и о том, как создан был мир и человек¹.

Мифотворчество поражает буйством фантазий, безудержностью страстей, столь же сильных, как и сама природа. Мифология помогает лучше понять менталитет древнего жителя Греции и Рима, так как мифы – это не просто сказочная история, а яркое отражение социальных и культурных отношений. Следовательно, античная мифология имеет огромное значение в изучении не только характера греческого и римского этноса, но и различных аспектов всей древней истории.

Актуальность темы исследования определяется важностью и необходимостью исследования проблем, связанных с этапами эволюции религиозных верований в архаических обществах. Философ М. Элиаде считал, что «человек традиционных обществ - это «*homo religiosus*»². Религия играет особую роль в древних обществах, поскольку является одним из стержневых элементов духовной, идеологической жизни. Религия отражает все аспекты

---

¹ Мень А. История религии. М., 1994. С. 183.

² Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000. С. 362.

жизни древних народов: экономику, социальное развитие, культуру, быт и т.д. Поэтому изучение религиозных верований древних народов имеет важное теоретическое и практическое значение. Являясь одним из первостепенных элементов духовной культуры, религия играет особую роль в античном обществе.

Человек античного мира верил, что боги Олимпа господствуют над Вселенной, они даровали человеку жизнь, наделили его многими духовными и телесными совершенствами и одухотворили собою все в природе.

Актуальность темы исследования обуславливается также необходимостью изучения проблемы появления и генезиса одного из древнейших культов – культа умирающей и воскресающей природы.

И теперь еще распространен ошибочный взгляд, будто религия греков тождественна римской. На самом же деле римские писатели и поэты, передающие нам греческие мифы, сами жили во времена, когда уже повсеместно была распространена греческая культура. У римлян во многих произведениях примешиваются греческие сказания о греческих богах и героях, но до полного слияния религиозных представлений греков и римлян не доходило не только в народных римских преданиях, но и у римских писателей³.

При внешнем сходстве греческая и римская религии имеют различную направленность, действительно их можно назвать родными сестрами, но никак нельзя назвать близнецами. Господствовавшее в антиковедении несколько десятилетий назад мнение о том, что римские представления полностью идентичны греческим, сегодня считается спорным. Римская мифология является собирательной и представляет собой симбиоз различных культурных веяний.

---

³ Петискус А.Г. Боги и легенды Олимпа. М., 1962. С. 356

Таким образом, изучая религию греков и римлян, мы проникаем в самые сокровенные тайны минувших веков, соприкасаемся со святыней народов⁴.

Положение, занимаемое богами на Олимпе, далеко не всегда соответствовало интересу, проявляемому к ним в науке Нового времени. В современной исторической науке довольно много работ, посвященных сравнению греческих и римских богов, однако исследованию природного и божественного в различных культах мира, уделяется незначительное внимание. Тем не менее, значимость данного культа в мировоззрении человека античности вполне сопоставима с культами верховных богов, а в повседневной жизни обращение к богам природы было едва ли не более частым, чем к Зевсу или Юпитеру. Изучение системы божеств умирающей и воскресающей природы позволит, на наш взгляд, более глубоко понять специфику античной картины мира. Сравнение же греческой и римской религиозных систем в этом контексте представляется достаточно перспективным и интересным.

Степень изученности проблемы. Основными источниками по данной теме следует считать произведения античных авторов. Исследователю мифологических и религиозных представлений необходимо отталкиваться от наиболее ранних текстов: важным источником являются «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Здесь наиболее ярко отражены функции не только главных олимпийских богов, но и в том числе божеств умирающей и воскресающей природы. В «Теогонии» Гесиода прослеживаются мифологические представления о становлении мира и его дальнейшем развитии. Немаловажным источником являются также «Гомеровы гимны», в которых дается информация обо всех греческих богах: их функциях, атрибутике и историческом происхождении. В них подробно описываются мифы и легенды о происхождении богов, присутствует множество эпитетов, описывающих тех или иных божеств.

---

⁴ Петискус А.Г. Боги и легенды Олимпа. М., 1962. С. 356

Интересные сведения о мифологических основах взаимоотношений человека и умирающей и воскресающей природы содержатся у Аполлония Родосского в его произведении «Аргонавтика». Жизнь и деяния мифологических персонажей широко представлены в «Описании Эллады» у Павсания, а также частично в «Мифологической библиотеке» Аполлодора и в «Анналах» Тацита.

В трудах Вергилия встречаются сведения относительно облика отдельных божеств, а также дается своеобразная трактовка их символики и атрибутики. Информацию о ритуальной практике древних греков и римлян, практической основе обрядов дают Плутарх в своих трудах «О счастье римлян», «Римские Вопросы», «Ромул», а также «Сравнительные жизнеописания»; Ксенофонт в трактате «О доходах»; Фукидид в «Истории». О том, как менялись представления о божествах природы со временем у греков и римлян и от греков к римлянам, рассказывает Овидий в «Метаморфозах» и других поэтических сочинениях.

Историография исследуемой проблемы специфична, так как изыскания историков в области религии и мифологии древних были направлены в основном на культы главенствующих божеств как римских, так и греческих, а конкретно божествам умирающей и воскресающей природы уделяли незначительное эпизодическое внимание, лишь в контексте взаимодействия их с основными богами и героями. Что касается литературы сравнительного характера, то она содержит в большинстве своем обобщающие сведения. Так Ф.Ф. Зелинский в своем труде «Эллинская религия» раскрывает проблему заимствования греческих культов римлянами. У Ф.Х. Кессиди в монографии «От мифа к логосу» уделяется небольшое внимание анализу феномена римской мифологии, как наследницы древнегреческой. Хрестоматийные данные о взаимодействии греческих и римских представлений об умирании и воскрешении содержатся в работе «Идеи к философии и истории человечества» И. Гердера. «Аспекты мифа» М. Элиаде затрагивают проблему развития античной мифологии, ее возникновение и распространение. Я.Э. Голосовкер в

«Логике мифа» частично анализирует древнегреческие и древнеримские божества природы, хотя не сравнивает их.

«Поэтика мифа» Е.М. Мелетинского содержит сведения об античной мифологической символике, схожая информация имеется также у А.А. Потебни в «Символе и мифе», В.Н. Топорова в «Миф. Ритуал. Символ» и у М. Элиаде в «Мифе о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское». «Философия мифологии» В.М. Найдыша содержит в целом информацию о происхождении мифологий древних, их развитии, философских основах в историческом плане, а также о том, как же все-таки связаны греческая и римская мифологии, чем они отличаются. Труды А.Ф. Лосева «Античная мифология» и «Очерки античного символизма и мифологии» посвящены изучению древнегреческой мифологии в ее культурном и историческом развитии. Р. Менар в своем исследовании «Мифы в искусстве старом и новом» отображает внешний облик божеств по данным изобразительного искусства. «Боги и люди в произведениях» Д.С. Бусловича представляют анализ литературных шедевров древних греков и римлян. Работы И.В. Шталя: «Мифы классической древности» и «Художественный мир гомеровского эпоса», посвящены развитию античной мифологии в историко-культурном контексте.

Энциклопедические и хрестоматийные сведения мы смогли почерпнуть из многочисленных изданий мифов и легенд и энциклопедических изданий, таких как: «Боги и легенды Олимпа», «Мифы и легенды = Mythology: Боги и герои Древней Греции и Древнего Рима» под редакцией Э. Гамильтона, «Мифы Древней Греции» под редакцией Р. Грейвса, «Легенды и мифы Древней Греции» под редакцией Н.А. Куна, «Мифы Древнего Рима» под редакцией Ю. Циркина, энциклопедический словарь «Кто есть кто: Боги и герои Древней Греции и Рима». Еще одним важным справочным изданием является хрестоматия «Всеобщая история архитектуры. Архитектура античного мира», в которой содержатся сведения о священных греческих и римских сооружениях, святилищах, местах поклонения божествам, в том числе и божествам природы.

Историография изучения греческой мифологии достаточно обширна, но при этом в основном она носит обобщающий характер, хотя существуют и более узкие работы. Одним из главных трудов является работа Ф.Ф. Зелинского «Древнегреческая религия», в которой автор уделяет большое внимание происхождению культа умирающей и воскресающей природы и его развитию. Нельзя не отметить совместные труды двух исследователей культуры и религии античности А.А. Тахо-Годи и А.Ф. Лосева «Греческая культура в мифах, символах и терминах» и «Боги и герои Древней Греции», которые незаменимы в изучении нашей проблемы. А.А. Тахо-Годи в своем труде «Греческая мифология» уделяет внимание функциям и деятельности божеств природы. А.И. Немировский в «Мифах Древней Эллады» дает современную интерпретацию мифов и их развернутый анализ. В «Греческой мифологии» М.С. Альтмана отображены функции и взаимоотношения божеств. В книге М. Нильсона «Греческая народная религия» содержатся сведения о религиозных и мифологических представлениях древних греков на начальных стадиях их развития. А.И. Зайцев в своей «Греческой религии и мифологии» уделяет особое внимание влиянию культов умирания и воскрешения на повседневную жизнь древних греков. Исследование И. Камад «Обрядовая сторона культов Древней Греции» посвящено детальной разработке культа греческого божества и его непосредственного значения в жизни древнегреческого общества. В работе «Личная религия греков» А.-Ж. Фестюжьера рассказывается о практической стороне религии древних греков. На бытовую сторону жизни греков обращает свое внимание П. Гиро в исследовании «Быт и нравы древних греков», там же он останавливается на культах различных божеств и обрядах, связанных с отправлением их культов.

Историография римской мифологии в большинстве своем носит справочный и хрестоматийный характер. Так, в хрестоматии «Древний Рим: История. Быт. Культура», содержатся обобщающие данные об истории и развитии римской мифологии. Более детальные сведения содержатся в сборнике статей «Идеология и культура Раннего Рима», здесь представлен анализ раз-

вития истории мифологии в древнеримском обществе, становление ее идеологических и религиозных аспектов, а также связь римских представлений с другими культурными традициями. Еще одним важным хрестоматийным изданием является сборник «Культура Древнего Рима», в котором римская мифология рассматривается как часть античной культуры; также здесь представлены сведения о взаимоотношениях богов и людей.

Что касается специальных научных работ, посвященных данной проблематике, то наиболее значимой является монография А.И. Немировского «Идеология и культура раннего Рима», в которой автор подробно анализирует практически каждое римское божество, а также детально разбирает его историческое происхождение, смысл и назначение. А.И. Солоненко в своем труде «Очерки римской мифологии» уделяет достаточно большое внимание второстепенным божествам, их облику и функциям. Сведения о значении культа природы в жизни римского общества содержатся в работе Е.М. Штаерман «Социальные основы религии Древнего Рима». Исторические аспекты формирования римской религии и влияние на нее внешних факторов раскрывает А.Е. Наговицын в работе «Мифология и религия этрусков», где он не только прослеживает связь этрусских представлений с римскими, но и дает исчерпывающую характеристику последним. Также связь римской мифологии с другими традициями рассматривает А.И. Немировский в книге «Этруски. От мифа к истории».

Обобщающие сведения о взаимосвязи римской мифологии с греческими представлениями о божествах природы содержатся в работе Ю. Циркина «Мифы Древнего Рима». В труде Г.И. Соколова «Искусство Древнего Рима: архитектура, скульптура, живопись» дана информация о римских ритуалах, священных сооружениях, посвященных божествам пантеона.

Обзор литературы таким образом позволяет говорить о преобладании работ общего характера и недостаточном количестве специальных исследований. Комплексный сравнительный анализ античных представлений о бо-

жествах умирающей и воскресающей природы до сих пор не предпринимался, что и определяет новизну работы.

Цель работы – определить соотношение природного и божественного в различных культурах мира.

Для решения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1. сопоставить внешний облик и среду обитания божеств в греческой и римской традиции;
2. сравнить функции Деметры, Персефоны и Аида в мифологии Древней Греции и функции Цереры, Прозерпины и Плутона в мифологии Древнего Рима;
3. дать атрибутивно-символическую характеристику греческим и римским богам;
4. выявить сходства и различия ритуально-обрядовой практики в древнегреческой и древнеримской традициях;
5. сравнить типы священных сооружений, а также места поклонения изучаемым богам.

Объект исследования - мифологические и религиозные представления античности.

Предмет исследования - специфика древнегреческих и древнеримских представлений о природном и божественном.

Методическая база исследования основана на культурологическом и религиоведческом подходах, в качестве основных методов использованы метод комплексного анализа источников, сравнительно-исторический, а также методы анализа и синтеза.

Практическая значимость. Материалы исследования и основные выводы могут быть использованы при разработке и проведении спецкурсов в вузе, уроков истории, МХК, факультативов в школе.

Апробация работы. Основные положения работы докладывались на конференциях «Историческая наука в студенческих исследованиях» (День науки) в 2012 и 2013 гг.; «Белгородский диалог» (Международная конферен-

ция совместно с ХНУ им. Н.М. Каразина) в 2009 году в БелГУ, г. Белгород, а также в ходе педагогической практики в школах г. Белгорода в 2012 и 2013 гг.

А также в следующих публикациях: Смирных А.В. (Белгород, Россия) Обрядовая практика природного и божественного в культах античного мира // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации: материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием: 27-28 ноября 2014 г. / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: SIMJET, 2014. – С 249-251

Структура исследования. Данная работа состоит из введения, двух глав, в которых по основным линиям сравнения проводится анализ религиозных представлений греков и римлян в заявленном контексте, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

I. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИРОДНОГО И БОЖЕСТВЕННОГО В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТАХ МИРА

1. 1. Иконография и среда обитания божеств

Греки и римляне желая и происходили от 1-го пранарода, от 1-го индоевропейского корня однако жили в расширение 1000-летий полностью безпомощидругих, практически не соприкасаясь друг с ином, и развивались во почтивсех отношениях разнo. Логично, что мифология обоих народов, с одной стороны тесновато соприкасается, однако, с иной стороны, сообразно почтивсем принципиальным позициям совсем самостоятельна. Эллинистический народ разделялся на бессчетные самостоятельные племена, поселившиеся раздельно, хоть какое из которых выработало родное религиозное мировоззрение, подходившее нраву данной местности и обусловленное его образом жизни. Этак, к примеру, жители отдаленной от моря гористой Аркадии, занимавшиеся только скотоводством, обязательно, уважали остальных богов-покровителей, чем обитатели побережья и островов, ключевой стихией которых было море и главным занятием рыболовство, мореплавание и торговля. Римляне, супротив, оживляя сначала в однообразной, гористой местности, занимаясь только земледелием и скотоводством, владели и религиозными верованиями наиболее схожими. Еще следует учесть общественно-политический нюанс, этак как он повлиял на произведение верований римлян. Из разрозненных территорий римляне сотворили поначалу массивное централизованное управление, замкнутое на фактически Рим, а позже и империю, охватившую не лишь Средиземноморье, однако и огромную мелочь Западной и Южной Европы и частично западной Азии. Чтоб сберечь эту колоссальную местность под собственной политической властью, римлянам нужно было определенное однообразие, в том числе и религиозное. Дионис был не единым греческим божеством, чей катастрофический миф и ритуал демонстрируют захирение и восстановление растительности. В но-

веньком обличье тот же старенький миф дает себя ведать в предании о Деметре и Персефоне. В собственной складе он схож сирийскому мифу об Афродите(Астарте)и Адонисе, фригийскому мифу о Кибеле и Аттисе, египетскому мифу об Исиде и Осирисе. В греческом мифе, как и в его азиатском и египетском макетах, богиня оплакивает утрату любимого, который персонифицирует растительность(раньше лишь злаковые культуры), помирающую зимой и оживляющуюся весной. Отличалка держится в том, что восточная выдумка живописала покойного господя обожаемым либо супругом, которого оплакивает его влюбленность либо жена, а вымысел греков воплотило ту же идею в наиболее незапятанной, искренней форме: погибшую дочь оплакивает её печеляющаяся мама.

Для разбора религиозных представлений греков и римлян в отношении божеств помирающей и воскресающей природы и вообще данного культа, на наш взор, следует, раньше лишь, разглядеть их иконографию, то имеется, как они изображались в разных творениях художества. Важно втомжедуде навести энтузиазм на то, в каком месте обитали эти божества.

Отклики греческой культуры в римской мифологии, раньше лишь, соединены со усердием Рима соединить свою историю с историей Греции. Но следует сказать, что на протяжении только личного исторического развития римляне были очень восприимчивы к хотькаким наружным действиям, потому римскую мифологию наследницей греческой мы можем именовать чрезвычайно условно.

С конца iv века по н. э. римские верующие представления подвергаются более явному действию греческих. Вообще, с присущей им консервативностью, римляне охраняют в неприкосновенности все то богатство малеханьких божеств, какие снабжали фуррор всякого действия человека, - будь то малютка, опушенный десятком идолов, либо плугарь, бросивший в землю семя, вручив его последующую судьбу не наименее изобилующему братству богов, разделивших промеж собой заботы сообразно произрастанию, появлению из земли, созреванию, колошению, жатве и даже следующему хранению этого

зерна.

Греческое действие затрагивает в главном тех богов, какие, уже существуя в этрусском варианте, имеют все шансы существовать сближены с греческими вследствие тривиального схожести функций, а время от времени – и имен.

Первой в греческом виде – ещё в разгар этрусского культурного действия, в самом истоке республики, – возникает в

Риме Деметра, отождествленная с древнеиталийской Церерой. Её "пригласили" в Рим согласно совету греческой же кумской сивиллы. Это вышло благодаря тому, что ни римским, ни даже наиболее качественным этрусским жрецам не вышло остановить обрушившейся на град моровой язвы: возникновение влиятельной чужеземки, как пишут А. И. Немировский и Л. С. Ильинская, вселяло новейшие веры. Из Греции прибыли профессионалы, чтобы сотворить согласно греческому эталону храм богине, нарушив, таковым образом, традицию возведения храмов согласно этрусскому плану, и даже жрицы богини были вызваны из Южной Италии.

Вдогон за первой гречанкой в римском пантеоне соединяются с Вакхом-Дионисом и отдаваемой ему в супруги на две трети года Персефоной италийские земледельческие боги Либер и Либера.

Устарелое восприятие, согласно выражению В. М. Найдыша, на каждом шагу испрашивает условности, иносказания, аллегоричности, ассоциативности, намеков, озарений и догадок, порождающих те либо другие эмоции и оценки. Конкретно потому, не глядя на изюминка бес всякого из божеств умирающей и воскресающей природы и в римской и в греческой мифологии, мы все-же можем изучить и определенное сходство, выраженное в атрибутике, наружном облике, одежде.

Деметра(#916; #942; #956; #942; #964; #942; #961;) в греческой мифологии и Церера в римской изображались традиционно с волосами цвета спелой пшеницы. Глаза богини были заполнены скорбью, благодаря тому что господин подземного королевства Аид(Плутон) выкрал молоденькую дочь Персефону(Прозерпину). В обеих руках Деметра владеет традиционно букет с цветами и

пшеницей, отражающий фатальность умирания растительного сеточка, без которого немисливо и его восстановление во всей отрицание жизненных сил. К Деметре взывают с той целью, чтоб зерна вышли разновесными, а втомжедуде, чтоб удалась вспашка. Её везде где только можно прославляют как устроительницу умных земледельческих порядков и ассистентку в крестьянских трудах.

Как отмечает Р. Грейвс, желая жрицы богини плодородия Деметры посвящали жениха и жену в тайны брачной ночи, у самой богини супруга не было. " В пору юности и утети она за пределами брака родила от собственного брата Зевса Кожуру и могучего Иакха. Плутоса она родила от Иасия, либо Иасиона, отпрыска титана, в которого влюбилась на свадьбе Кадма и Соголасии. Разгоряченные выпитым нектаром, лившимся на свадьбе рекой, влюбленные неприметно выскользнули из дома и, не стыдясь, предались любви на трижды вспаханном поле. Когда они возвратились, Зевс сообразно их поведению и грязищи на руках и ногах додумался о том, что промеж ними было, и гневный тем, что Иасион осмелился прикоснуться к Деметре, прикончил его перуном " Но некие молвят, что Иасиона прикончил его свой брат Дардан либо что его порвали на части личные лошадки.

Атрибутами Деметры являются последующие предметы и знаки, какие разъясняют её значение и функции: колосья, дары помоны разных деревьев и кустарников, серп, времяотвремени даже рог изобилия.

Деметра втомжедуде владеет оченьмного эпитетов и ипостасей, какие обозначают обширное размещение её почитания сообразно всей Греции, а втомжедуде то, что в всякой отдельной области ей приписывались свои особенные значения. Античное хтоническое возникновение Деметры свидетельствовано её главным именованием, которое практически означает " земля-мать ", желая 1-ая деталь слова может обозначать втомжедуде " семя ", что не отрицает, а лишь дополняет её значимость. Культовые обращения к Деметре были последующими: Хлоя(" зелень ", " засев "), Карпофора(" дательница плодов "), Фесмофора(" законодательница ", " основательница "), Сито("

хлеб ", " мучение "). Все они, обязательно, указывают на функции Деметры как богини плодородия.

В Гермине(Коринф)Деметра почиталась как Хтония(" земельная ")и Термасия(" жаркая "), порадица страстных источников. В Фигалее(Аркадия)почиталось античное древесное изваяние Деметры Мелайны(" Темной "). У Гесиода Деметра " незапятнанная " соседствует с Зевсом " подземным ", и им обоим землероб возносит свои мольбы.

Древнейшим письменным монументом, в котором держится миф о Деметре и Персефоне, является красивый гомеровский гимн Деметре, который спецы датируют vii столетием по нашей эпохи. Гимн владеет целью разьяснить происхождение Элевсинских мистерий, а то, что в нем ни иначеговоря не упоминается об Афинах и афинянах, какие в наиболее позднюю эру воспринимали активное роль в данных празднествах, дает базу отнести гимн к глубочайшей древности, когда Элевсин ещё представлял собой малюсенькое независимое управление. В гимне под узеньким покрывалом поэтических образов явственно просматриваются представления его создателя о природе и функциях обеих богинь – Деметры и Персефоны.

В Гомеровом гимне xiii. К Деметре мы встречаем чрезвычайно много эпитет, относящихся к богине, они калоритные и различные, что говорит нам о том, какую главную роль игралась Деметра в религиозной системе греков, а позднее и римлян. В предоставленном творении мы смотрим следующие определения: " серпоносная золотая щедроплодная ", " прещедрая года королева ", " черноризая мать ", " Део-царица ", " благая богиня ", " пречестная ", " преславная ", " благовенчанная ". В каждом эпитете обретаем ту либо другую ипостась богини.

Греки изображали Деметру величественной дамой, с кротким взором, в длинноватых одеждах и в венке из маков либо пшеничных колосьев; Время от времени в одной руке богиня владеет маковые головки либо колосья, а в иной – серп либо факел. Чрезвычайно нередко богиня стоит на колеснице, запряженной крылатыми драконами, то имеется располагаться в погоне за

вором своей дочери.

Вдогон за греками римляне изображали свою Цереру с благородным плюсом властной богини-царицы и совместно с тем снисходительной, хороший и кроткой. Ключевыми её атрибутами были – факел, сноп колосьев в руке либо венок из их, увитый в волосы.

Богиня королевства мертвых Персефона(Кожура, #928; #941; #961; #963; #941; #966; #959; #957; #942;), дочь Деметры. Именовали её втомжедухе суровой повелительницей теней, властвующей над душами погибших и над монстрами преисподней. Она супротив своей воли царствует в Аиде, однако совместно с тем чувствует вслед за тем себя полностью законной и разумной повелительницей.

В нраве Персефоны имеется та же двойственность, которая присуща и Плутону-Гадесу(Аиду)её жену. Данная двойственность имеется и в изображении данной богини. Обычно она посиживает на троне либо в колеснице совместно с Плутоном. Долгий плотный покров прикрывает её удивительную красу, выделяя энигматичность её существа. В руке у богини нарцисс.

В изображении Персефоны втомжедухе постоянно располагаться семя лимонка – знак брака, некоторых уз, связывающих её королевством мертвых и мужем-Аидом. На голове Кожуры - диадема, а в руке она владеет скипетр, пара предмета являются знаками власти над подземным миром теней. Специфичными атрибутами Персефоны являются втомжедухе мак и факел, какие символизируют объяснение под землей и ассоциация богини с Аидом, этак как уже тогда были популярны свойства мака, как наркотического вещества. В уже упоминаемом Гомерове гимне Персефона владеет еще разряд эпитетов: " длинноногая ", " девственница ", " благовидная ", " непорочная ", " премудрая ", " красивая ". Данные определения свидетельствуют нам о том, что Персефона(Прозерпина)носила дуальный нрав, являясь слету непорочной и благообразной, с одной стороны, властной и премудрой, с иной.

Фрезер подразумевает, что Деметра была олицетворением зерна, этак же как и Персефона. Этот вывод создателя подтверждается монументами старенько-

го искусства. Древние живописцы изображали как Деметру, так и Персефону, данных богинь пища, с коронами из хлебных колосьев на головах и со снопами в руках. Тайну выкармливания пища афинянам, поэтому мифу, открыла все та же Деметра. При содействии Триптолема этот неоценимый дар стал имуществом лишь населения земли. На монументах изобразительного искусства, в особенности на росписях ваз, предвестник Триптолем постоянно изображен совместно с самой Деметрой. При этом богиня либо стоит вблизи с ним со снопом в руке, либо восседает на собственной колеснице. В одних вариантах – это крылатая колесница, а в остальных – влекомая драконами. Пролетая на данной колеснице сообразно воздуху, Триптолем, сообразно преданию, засеял зёрнами цельный мир. В признательность за это бесценное благодеяние почтившие греки городка в перемещение долгого времени высылали Деметре и Персефоне в Элевсин первины ячменя и пшеницы. Вслед за тем для сохранения поступающих в изобилии приношений были выстроены подземные склады. У Феокрита имеется рассказ о том, как крестьянин на полуострове Кос благоуханным летом приносил первины урожая в дар Деметре, наполнившей ячменем его гумно. В селах богиню изображали держащей в руках снопы. Почти все из эпитетов, которыми античные одарили богиню, внушительно свидетельствуют о узенькой связи Деметры с семенем.

О том, как глубочайшие корешки пустила в Старой Греции религию в Деметру как в богиню злаков, разрешено осуждать желая бы сообразно тому, что в старом Элевсинском святилище она просуществовала у их потомков христиан по истока XIX века. Фрезер упоминает визит в Элевсин британского путешественника Додуэла, который заявляет, что обитатели города тяжело посетовали ему на утрату колоссальных размеров скульптуры Деметры, которую в 1802 году вывез Кларк (он принес её в дар Кембриджскому вузу, в каком месте она хранится по сих времен).

Той же двойственностью природы, которую мы смотрим в Персефоне, различается и её супруг Аид. Гадес – "невидимый", так он именуется у поэтов

вследствие неявного сумрака, находящегося вокруг, как его королевство, этак и его персону. Он жестокий и суровый враг только живущего, о нем утопично подумать без ужаса и трепета; сообразно Гомеру, он для смертных самый-самый противный из богов.

Аид принадлежит к древнейшим греческим божествам. Аналогично Посейдону, он брат Зевса, и при разделе сеточка получил черные недра земли, ставшие его своим царством, ворота которого он владеет солидно запертыми, чтоб без его воли ни одна воротила не могла возвратиться на свет всемиростивый. Завлекая людей сообразно истечению назначенного им срока жизни в свои подземелья, он воспринимает всех в родное черное царство. И в этом значении он втомжедухе Полидект, то имеется принимающий.

Представления стареньких об Аиде полностью подходило неясному виду господу. Его представляли себе отделанным на принуждение, массивным и ужасным вором. Таковым он и возникает в мифе о похищении Персефоны, в каком месте он увозит свою добычу на стремительных жеребцах.

Но позднее о нем распространилось наиболее податливое мировоззрение, и на 1-ый сан выдвинулась иная сторона его природы – он не лишь дарует из глубочайших недр земли пищу растениям, однако и предоставляет людям Обилие великодушных металлов в собственных подземных кладовых. В этом значении его нарекли Плутоном, то имеется богом-обогатителем.

Как ни смягчалось с течением времени угрюмое мнение о неумолимом господе смерти, он совсем остался чуждым для греков и благодарячему, несчитая похищения Прозерпины, о нем не появилось фактически никаких легенд. Римские представления об этом господе ничем не отличались от греческих, потому что и этого господу они практически вполне одалживали у греков. ДДДККК ИСТИНА, как в большинстве случаев, Плутон, он перемещает остальные имена: Диспатер либо Отец Дит.

Господу погибели изображали традиционно на троне, как властелина подземного королевства теней, в руках со посохом как эмблемой власти, а втомжедухе на милый колеснице, запряженной нескончаемыми жеребцами. В ис-

точниках он приобретает разные эпитеты, обрисовывающие его во всех ипостасях: " многоименный ", " Кроноса отпрыск ", " сударь ", " всемогущий ", " многовластный ", " черноголовый ", " над обителью мертвых преобладающий "

Плутон нередко изображается королем сетка, в сумрачном величии восседающим на престоле. Лоб закрывают нависшие волосы; злаки и дары помоны его венка молвят о том, что он предъявитель и земных благ. Время от времени на голове у него изображен рог изобилия либо зубчатая венец. В руке жезл, либо двузубый скипетр, либо ключ. Крайний знаменует владельца подземного сеточка, откуда недостает возврата. У ног его трехголовый Кербер(Цербер). Время от времени его рисуют в шлеме, владеющем расчудесной силой делать невидимым этакого, кто его наденет. Нередко Прозерпина посиживает вблизи с ним на троне либо же в колеснице, запряженной темными жеребцами, покорными только золотым поводьям господа сумрака.

С женой они делят администрация над подземным миром, потому мрачное изваяние Аида воздействует и на Персефоне. Гомер этак изображает обоих супругов: " Зевс Находящийся под землей и чуждая жалости Персефония... ". Иконография божеств помирающей и воскресающей природы владеет наиболее безусловное объяснение в мифе о Деметре и Персефоне, включенном в " Мифологическую библиотеку " Аполлодора. Целенаправлено, сообразно нашему понятию, привести этот фрагмент здесь.

Пригнанный миф позволяет втомжедухе подметить места обитания божеств помирающей и воскресающей природы. Деметра обитала, как и положено, сообразно представлениям греков, богине, в небе на Олимпе, исключая время розыска дочери, когда она жила в виде смертной дамы среди людей на земле; обиталищем Аида было подземное королевство, в каком месте он властвовал со собственной женой. Персефона же, сообразно строчкам из Гомеровых гимнов:

" ...тоже решил он, что дочери его в годовом обороте времени треть предначертано гнездовать во темноте преисподней,

две же трети существовать при мамы и при нескончаемых, - так он рек ".

Таковым образом, проведя анализ иконографии божеств помирающей и воскресающей природы, мы можем созидать, что изображения божеств в римском и греческом представлении очень схожи, как идентичны и сами представления о данных божествах. Наиболее явное отличие имеет место быть, пожалуй, в том, что греческие представления наиболее разнородны и одаряют божеств обилием функций и эпитетов, тогда как римляне наиболее консервативно подходят к вопросам религии, их представления наиболее однообразны. Соединено это, как мы уже упоминали, вдогон за А. Г. Петискусом, с тем, что римляне жили на наиболее всепригодной сообразно природе и занятиям местности, когда как греки находились под воздействием различных натуральных событий, отчего зависела и их разветвленная религиозная система.

#8195;

1. 1. Функции божеств помирающей и воскресающей природы

Дочь Кроноса и Реи, сестра Зевса, Посейдона и Плутона, Деметра была, поэтому представлению стареньких, богиней плодородия. Деметра считалась подательницей всех земных плодов и главнейшего из них – пищи. С сиим тесновато объединено почитание Деметры как богини земледелия и совместно с тем основоположницы гражданского быта.

Вправду, земледелие всюду служило для людей истоком упорядоченной жизни и культуры, этак как мало-помалу сводило людей в общины и скрепляло их в целое гражданское тело. И люди, переходя к оседлому виду жизни и к земледелию вместе со скотоводством и ремеслами, привыкали друг к другу, обучались узнавать и дорожить обоюдные сервисы, а совместно с тем ремесла и художества. Они выучились формировать здоровые представления о собственно-сти и личности и, устраивая себе родина, быть в нем под по-

кровом мудрых законов. Отседова 2-ое фамилия Деметры – Фесмофора, то имеется законодательница, основоположница гражданских учреждений.

Воздававшиеся данной богине почести, именуемые Фесмофориями, подчеркивали это смысл богини. Культ Деметры связан с преданием о похищении её дочери Персефоны Плутоном(либо Гадесом), всевышним Аида.

Плодородие земли в древности не мыслилось за пределами представлений о неминуемой гибели растительного сеточка, без которой немислимо его восстановление во всей полноте житейских сил. Деметра – раньше лишь богиня, почитавшаяся земледельцами, однако никоим образом не изнеженной ионийской знатью. Её везде где только можно прославляют на празднестве Фесмофорий как устроительницу умных земледельческих порядков. Деметра относится к числу стареньких дамских огромных богинь(Гея, Кибела, Большая мама богов, Правительница зверей), дарующих плодоносную силу земле, животным и людям. Деметра почитается на этом празднестве совместно с дочерью Персефой, их называют " двумя богинями " и зарекаются именованьем " обеих богинь " .

Есть втомжедухе миф стареньких, в котором рассказываетя об успокоительном фрукте богини земного плодородия – отпрыску Плутосе, которого она родила прилежному земледельцу с Крита Язиону. В этом мифе греки светло выразили идею имущества и благополучия, неразлучных с ревностным и удачным трудом земледельца. На полуострове Крит, который прославился собственным плодородием и древнейшей культугой, уважали богиню земледелия с давнопрошедших времен. То же было и в остальных греческих областях: Аркадии, Мессении, Сикионе, Коринфе, Аргосе, Мегаре, Беотии, Локриде, на Сицилии, вособенности же в Элевсине. Ассоциация Деметры с Зевсом, фруктом которой была Персефона, выражала не что другое, как благодатное действие на землю неба, ниспосылающего тепло и обильные дожди. Сообразно цвету созревшей нивы Деметру окрестили Русокудрой, доказательство тому обретаем у Гомера:

" Жателям, веющим хлеб. . . Деметра с кудрями златыми

Плод изолирует от плев, возбуждая дыхание ветров " .

В стародавних же греческих народных песнях устроительницу благо-
сло-венной жатвы именуют втомжедухе мамой Имущества – Плутоса.

Вследствие этакого близкого роли, которое Деметра при-нимала в достиже-
нии упорядоченных городских отношений, она почиталась втомжедухе как
богиня-устроительница браков, потому что супружество выдумывает подхо-
дящую базу человеческого сообщества.

Греческой Деметре во всех отношениях подходила римская Церера, которая,
без сомнения, была древнеиталийской богиней, однако с введением уже в
первых годах респуб-лики культа Деметры соединилась с греческой боги-
ней. Основной праздничек Цереры и соединенных с нею в культе божеств
Либера и Либеры приходился на апрель, который в качестве главенствующе-
го весеннего месяца, месяца начал сельскохозяйственных работ, был у обита-
телей Италии сообразно пре-имуществу приуроченк божествам земледелия.
Нужно подметить, что в процессе эволюции религиозных представлений
языческого нрава уже на заканчивающей фазе собственной в эру идеологиче-
ского кризиса античности, как подмечал А. Донини, богиня-мать, большая
богиня Деметра стала втомжедухе мамой в об-лике богини. Конкретно этак
она изображалась во время богослужений в рамках полузапрещенных народ-
ных культах.

У греков данная богиня величалась Персефоной и Кожурой, а у римлян Про-
зер-пиной. Она была дочерью Зевса и Деметры, супругой Плутона. Деток у
нее не было. Античные изображали неожиданное похищение Плутоном пре-
красной Персефоны как победу погибели, нежданно уносящей свою жерт-ву
из земного сеточка. Однако уже лю-дям древности образ периодиче-ского
возвращения Персефоны к мамы, богине весеннего обнов-ления природы,
по-видимому, внушал успокоительную веру в то, что погибель изменяется
новейшей жиз-нью, а человек, утащенный даже в отдаленнейшие пределы
подзем-ного королевства, не на всю жизнь остается " мертвенно веющей "
тенью. Миф о Персефоне и её страдаю-щей мамы, как мы уже знаем, и вы-

думывал оглавление Элевсинских таинств, с их верой на другую, вечную жизнь за пределами земного существования.

О подземной богине Персефоне (истребляющая свет), которую обитатели Аттики окрестили её волшебным именованием Кожура, существовали разные представления. С одной стороны, она жена неявного повелителя подземного королевства и обладает одинаковое с ним смысл – такая же сумрачная и демоническая держава, которая безжалостно тянет все живущее в черные недра земли. У Гомера и позднейших стихотворцев это мнение было единым; она появляется у их лишь в качестве властительницы широкого подземного королевства, невесело восседающей на престоле возле личного неявного жёна.

В то же время Персефона, благодатное дитя всепитающей, всеблагодать и расширяющей Обилие матери земли, – олицетворение неиссякаемой производительной силы природы, благодаря которой развгод распускается пышноватая растительность, чтоб снова подвергнуться уничтожению осенью.

Пожизненно молодая Персефона была олицетворением весны, благодаря чему и звали её Корой (то имеется девой). Однако, поэтому личному двойному значению, Персефона как жена короля подземного сеточка, облеченная неявной властью королевы царства теней, была полновластной повелительницей только подземного мира, в том числе и безжалостных демонов (духов казни и ярости), которых она высылала в мир для наказания нечестивых людей и особенно клятвопреступников.

Для римлян, какие одалживали у греков представления о подземном королевстве, Персефона, либо Прозерпина, как они переработали её фамилия на латинский лад, была сначала божеством совсем чуждым, однако впоследствии они скооперировали с ней античное божество плодородия Либеру, подходившую Либеру либо Вакху, придавая ей под своим именованием смысл греческой Кожуры. Владычицей королевства теней у римлян была Либитина, либо Любентина, однако почтение ей имело быстрее обрядный нрав и было соединено с погребением.

Р. Грейвс в собственном исследовании показывает, что как Богиня Подземного Королевства Персефона была богиней рождения, творения потомства и гибели. Как Богиня земли она была богиней 3-х времен года – весны, лета и зимы, она давала жизнь деревьям и травкам и властвовала над всеми живыми творениями. Как Богиня неба она была луной в её 3-х фазах юной луны, полнолуния и ущербной луны. Сии исследователь разъясняет, почему вместо Богини 3-х ипостасей она этак нередко делается Богиней 9 ипостасей. Еще Р. Грейвс отмечает, что Тройственная Богиня, которой поклонялись, к примеру, в Стимфале, персонифицировала старенькую даму – женщину создательницу и разрушительницу. Как юная луна либо зимцерла она была женщиной, как полнолуние либо лето она была дамой, как ущербная луна либо зимушка она была старушенцией.

Познакомясь с представлениями стареньких о Деметре как о богине таинственных недр земли, о двойственной жизни дочери её Персефоны, мы приблизились к границам подземного сеточка.

В древние эпохи греки окрестили бога подземного королевства Аидом и Гадесом, однако крайнее фамилия наводило церковный ужас, потому время от времени употреблялось. Позднее господа стали именовать Плутоном (Состоятельным). У рим-лян он втомжедухе назывался Плутоном, а ещё: Стикий, Орк, Дий.

Плутоном, либо "Состоятельным", именовался он как владетель 2-ух царств: минералов и растительного, имеющих родное возникновение в земных недрах; Аидом, Гадесом ("незримым") – как властелин подземного, невидимого сеточка, куда все отжившее безизбежно обязано отойти и исчезнуть. И так, предъявитель земных благ является и властителем теней усопших. Его королевство, таким образом, обхватывает целый таинственный находящийся под землей мир. Отчего Плутон приобретает и ещё одно фамилия: Зевса "Катахтония" - Подземного Зевса. Как пособника произрастания зерна, с теплой верой зарытого в борозду поля, и вообще плодородия земли, из недр собственных производящей все имущества сетка растительно-го,

его считали всевышним нежным и заботливым и звали " Заступником " .

С представлениями об изобилии и плодородии земли, то имеется об излишке жизни, казалось бы, несовместно то, что земля позже и поглощает все без возврата. Античные эту изюминку земли, олицетворенную в Аиде, смогли осознать, назвав подземного господина " Непримирым " , " Неумолимым " , увлекающим в сумрачные недра, в Орк, в Аид, все, живущее на земле, и самого человека. Большая секрет смерти, неразлучная в природе с рождением и жизнью, была у стареньких отражена в Элевсинских таинствах, в которых по-священные, освобождаясь от ужаса смерти, черпали успокоение в вере на грядущую загробную жизнь.

Это мировоззрение об Аиде и гибели легло в поставленный мифологический образ, создав повествование о семействе Аида и Персефоны(Плутона и Прозерпины). Священная 2 подземного сеточка делается синонимом противоположных мнений – жизни и гибели. В обоих данных бо-жествах античные лицезрели ужасную чету непримиримых противников всякой жизни, насылавших на нее длительную череду смертей. И, тем не менее, в том же мифе заложена былая, главенствующая во всей греческой мифологии мысль любви, заполняющая собой даже пределы подземного сеточка. Что же, как не влюбленность, приковывало Персефону к её грозному жену, когда на вызов матери Деметры она отвечала, что не может вернуться в земной мир, благодаря чему что уже по пятидесятипроцентом скушала приобретенный от него гранат – так называемое " яблоко любви " . В тесном родстве с подземным королевством смерти стала и Деметра благодаря собственной дочери. Однако, невзирая на оковы любви, в королевстве Аида отсутствие жизни очевидно(согласно тому же мифу): священная 2 присутствовала бездетной. На изображениях Персефоны и Плутона гранат является их каждодневным атрибутом-символом.

Плутон был отпрыском Реи и Кроноса. Господство над подземным миром досталось ему опосля низвержения с престола отца. Братья-Кронида: Зевс, Посейдон и Плутон – дали жребии постановить, кому чем обладать в мире.

Плутон способствовал Зевсу в борьбе с титанами, позже с великанами и за то получил в презент шлем-невидимку – соответственный атрибут божества, во власти которого находилась погибель, незримо подступающая к собственной жертве.

Администрация Плутона над подземным миром была не наименее значительна, чем администрация Посейдона над морем либо – Зевса над небом, невзирая на верховное владычество крайнего во всех пределах вселенной. Народонаселение королевства Плутона состояло из теней усопших. Греки и римляне давали этому царству разные названия: Аид, Гадес, Эреб, Орк, Тартар. Представления стареньких о погибели и тогда уже были по этакого разнородны, что мы избираем из их только более популярные.

Уже сопоставимо самого места, в каком месте находилось королевство Гадеса, античные писатели впадают в возражение. Его то помещают в подземном мире в прямом значении, то имеется под покровом дольний кожуры, то отыскивают его на дальнем западе, в Океане, в каком месте спят сумрачные рощи Персефоны. Малость мамы Приключения произносит личному отпрыску, проникшему в королевство Аида:

" Как же, мой отпрыск, ты многофункциональный мог проникнуть в неясную область

Аида? Тут все страшит живущего; громко бегут тут

Ужасные реки, потоки большие; здесь Океана

Воды глубочайшие льются; никто переплыть их не может

Сам. То одним кораблям крепкозданным быть может "

К подземному миру, в королевство Аида, водят обширно открытые врата.

Через их усопшие вступают безвозвратно в королевство теней. Из живых лишь необычайным героям предназначено было проникнуть на время в монастырь усопших. Ввод защищался ужасным Кербером, собакой с 3-мя головами и змеиным хвостом. Входящих он встречал нежным приветствием, однако несчастье тому, кто вздумал бы вылезти обратно из царства Аида.

Не считая данных широких ворот, находящийся под землей мир отделялся от

верхнего ещё многими стремительными реками, основная из которых Стикс. Мысль о Стиксе в старом мире неразлучна была с таковым мрачным страхом, что даже высшие боги призывали её в очевидцы справедливости своих клятв. Через Стикс перевозил души усопших старей, выделенный богами на эту обязанность Харон, однако перевозил лишь тех усопших, чьи тела покорны земле с подходящими жертвоприношениями и ритуалами. В противном случае беднягой теням приходилось грустно блуждать у берега в ожидании переправы. Как отмечает А. Г. Петискус, старенький человек содрогался от одной идеи о такой будущности. За перевоз Харон получал популярную плату. На этот случай, погребая погибшего, клали ему в уста монету, чтобы было ему чем расплатиться с перевозчиком на Стикс. Не считая Стикса, легенды именуют ещё некоторое количество рек подземного сеточка: Ахеронт – реченька нескончаемых мучений; Пирифлегфонт – пламенная реченька; Коцит – поток воздыханий и печального плача и вконце-концов, сообразно наиболее поздним сказаниям, Лета – реченька забвения. Крайней приписывалось необычное свойство: стоило усопшему выпить её воды – и он забывал все родное прожитое, то имеется, отступая в царство нескончаемого покоя, освобождался от самих воспоминаний о нуждах, заботах и мучениях дольней жизни.

Ввод в находящийся под землей мир помещали в такие сумрачные дебри, что воротила смертного заполнялась тоской и страхом. Одним из более соответствующих этому мест числилось побережье Авернского озера в Южной Италии. О нем ведали такие чудеса, какие в данный момент молвят о Безжизненном море в Палестине, как будто бы и птаха, которая решится пронестись над его волнами, станет увлечена в бездонную пучину.

Положение усопших в королевстве Аида античные представляли чем-то вроде призрачной жизни либо жизни во сне. Люди отрешены вслед за тем от деятельной жизни и " мертвенно веют " в пределах Аида, как шумно перевозит Жуковский слова Гомера, не утрачивая, однако, воспоминаний о собственной личности и продолжая, желая без каждого сознания, учиться тем,

чем они занимались в жизни дольней. Посмертное положение души не что другое, как безнадежная грусть и подавление: подругому не разговаривала бы мелочь Ахилла Одиссею:

" О, Одиссей, успокоения в погибели мне дать не доверяй;

Лучше б желал я функциональный, как работяга, работая в поле,
Службой у скудного пахаря хлеб раздобывать собственный значимый,
Ежели здесь над бездушными мертвыми господствовать, мертвый "

Случаем тени усопших могли выказываться живым собственным друзьям.
Разрешено было активизировать их из Аида разными заклинаниями при жертвоприношениях. В этом случае тени усопших испивали жертвенной крови, и им возвращалось на время рассудок и словечко, и они могли про-износить с живыми.

Однако Плутона и Персефону представляли античные не только господами переселившихся душ, однако ещё и верховными судьями человеческих дел. Все проступки человека Плутон заносил в свою памятную книжку, и поэтому этому решалась опосля погибели судьбина человека – куда его навести: в Элизиум либо Тартар. В суде над усопшим Плутому подсобляли 3 богатыря, прославившихся во время собственной дольней жизни особенной мудростью и составлением правосудных законов: это Минос – вожак Крита, Радманф, его брат, и Эак, отпрыск Зевса и Эгины, самый-самый богобоязненный из смертных, как то считали греки. Мольбами Эака Эллада была спасена от неурожая и голода. А благодаряему он и стал при-вратником подземного королевства.

Римская мифология сложилась под действием этрусской и греческой обычаев. Соединение стареньких родовых общин приводило к слиянию их бо-жеств. С вытеснением родовых связей соседскими большущее смысл заполу-чили культы фамилий, культы соседских общин и общеримские культы.

Ежели устремиться к римской религии, то Ю. Циркин в " Легендах Старого Рима " приводит последующие представления стареньких о назначении бо-жеств.

" В глубинах земли таился мир гибели. Представления римлян о гибели были неясными. Их вероисповедание предназначалась для сеточка живых, а не для посмертного успокоения. Мир трупов располагался где-то под землей. Он соединялся с земным миром особенными отверстиями, называемыми орками. Отверстия размещались в глухих расщелинах, таковых, к примеру, как вблизи с Авернским озером в грозном и необитаемом месте промеж буграми, поросшими бором. Орком именовался и цельный находящийся под землей мир. Этак же назывался и господь, являвшийся властителем этого неясного сеточка. Он носил и иное фамилия – Диспатер, либо Отец Дит. Само фамилия происходило от латинского слова, значащего " обеспеченный ", потому что, как утверждали римляне, все проистекает из земли и все возвращается в землю. Женой Диспатера была Прозерпина. Совместно они властвовали в королевстве смерти. Особенного культа данных богов в Риме не существовало. Однако в 249 г. по н. э. , когда велась сражение с Карфагеном, фортуна отвернулась от римлян. Ратные дела их шли нехорошо, к тому же ударом молнии была разрушена деталь городской стенки самого Рима. В конце концов римляне решили обратиться к этак именуемым Сивилиным книжкам и вслед за тем прочитали, что на Рим рассердились подземные боги, потому необходимо уладить празднество в их потерять честь и доставить жертвы. Тогда на Марсовом поле 3 ночи подряд(конкретно ночи, а не дня, что подходило неясному нраву бо-жеств)устраивались особые забавы и приносились жертвы. Диспатеру жертвовали темного быка, а Прозерпине – корову. Через 100 лет в самом истоке крайней борьбы с Карфагеном эти забавы повторили.

Под властью Диспатера и его супруги находилось немало богов. Богиней погребений была Либитина, которая являлась в том же духе спутницей Венеры. С её поддержкой души погибших уходили в подземный мир. Вслед за тем они становились манами, хорошими душами, благоприятными к людям. Их этак уважали, что еще считали всевышними. Маны покровительствовали родам, семьям, единичным людям. Когда над могилой не так давно погибше-

го человека устанавливали надгробный гранит с надписью, то в начале данной надписи нередко писали " Священным всевышним манам ", как бы передоверяя им души лишь что скончавшихся людей. С миром мертвых соединены и лары, какие в том же духе были хорошими духами. Их матерью являлась богиня Мания. Наравне с ними в подземном мире обитали и злобные духи – ларвы, либо лемуры. Позднее появилось мнение, что души не плохих людей становятся ларами, злобных – лемурами, а других – манам. Души умерших предков требовали поклонения. Они довольствовались небольшим, однако это малюсенькое им обязано было воздаваться. Когда же вследствие нескончаемых войн римляне закончили почитать погибших отцов, то зажглись бесчисленные костры, а души предков вышли из могил и кликом страшили живущих и в городке, и в селе. Когда утраченные римляне возобновили почитание трупов, все слету пришло в норму, и в прошлом порядок возвратился на землю. 21 февраля римляне устраивали праздничек в потерю чести манов, правда и целый февраль был приурочен к очищениям, особенностями связанным со гибелью. В подземном мире жили в том же духе ужасные фурии, богини ярости и отщепености, и недалёкая к ним богиня Фурина " Всех богов подземного сеточка римляне окрестили " темными " и противопоставляли " светлым " небесным всевышним.

Итак, проведя относительный анализ многофункционального наполнения божеств греков и римлян, мы можем указывать желание о том, что промежуточные более сходства, нежели различия, желая крайние, обязательно, присутствовали, и времяот времени были довольно серьезны. И Деметра, и Церера были богинями верховными, носили чрезвычайно принципиальные функции для земледельческих сообществ – плодородие и урожайность полей и садов. Но, нежели Церера почиталась лишь в апреле и была только богиней плодородия, то Деметра носила ещё и функцию устроительницы домашнего родника и умных гражданских законов, а означает назначение её было попроще и уважали её на протяжении только года.

Кора(Персефона)была слету богиней подземного королевства, то имеется

подсобляла погибшим, и исполняла функцию умирания и воскрешения природы. Прозерпина же у римлян, хоть и была копией Персефоны, однако все же не прижилась в римском сознании, слившись с Либерой. Функцию богини подземного королевства у римлян она вообще не выполняла.

Что же дотрагивается Аида(Плутона, Диспатера), то в Греции он носил функции неявного властителя сетка погибших, господ плодородия, отседова его название Плутон, а в том же духе совместно с Персефой они представляли брачную пару, то имеется в этом виде выразились представления о семье. Диспатер был только властителем сеточка погибших, желая его функции здесь были попросторнее, чем у Аида, этак как души погибших в римской мифологии перерождались в духов, какие сберегали живых.

1. 2. Атрибутно-символическая царापинка божеств

Приступая к рассмотрению предоставленного вопроса, необходимо сообщить, что знаки и атрибуты божеств во почти всех вероисповеданиях и во все эпохи совпадали, а означает, мы можем скооперировать здесь отображение и греческих, и римских божеств.

Деметра как богиня плодородия и позднее Богиня-Мама имела своими атрибутами: колосья пшеницы, волосы пшеничного цвета. Еще она рисуется в таком атрибуте, как темная риза, связанном с её тоской и скорбью сообразно утраченной дочери. Как уже упоминалось раньше, она имела разряд ипостасей, какие зависели от местности, в каком месте она почиталась, а в том же духе от этакое значения, которое ей придавали античные.

Миф о любовном приключении Деметры на трижды вспаханном поле показывает на обряд плодородия, который существовал на Балканах: для этакое чтобы снабдить хороший сбор, весталка зерна на очах у всех совокуплялась с царем-жрецом перед севом озимых. В Аттике поле в 1-ый раз пахали весной, 2-ой раз пахали опосля летней жатвы, применяя для этого наиболее обычный сошник, привсемэтом направление пахоты выбиралось поперек весенней бо-

розды. В конце концов, опосля принесения жертв всевышним земледелия, поле снова пахали сообразно весенней борозде. Происходило это в осенний месяц пианепсион в качестве подготовки к севу.

Похищение Кожуры Гадесом выдумывает мелочь мифа, в котором тройка богов эллинов противволи брала в супруги доэллинскую дамскую триаду. Зевс женится на Гере; Зевс либо Посейдон на Деметре, а Гадес на Кожуре. Это показывает на переход во администрация мужчин дамских земледельческих мистерий, происшедший в варварскую эру. Этак хотение Деметры бросить население земли без зерна – это только лишь один из вариантов мифа, мысль которого о лишении потомства размещаться и во почтивсех остальных мифологиях.

Считается, что Деметра пришла в Грецию с Крита, высадившись в аттическом городке Форик. Это полностью может быть: критяне обосновались в Лаврионе (Аттика), в каком месте они сначала доставали серебро. Наиболее этакое, Элевсин – это микенское селение, и Р. Грейвс, ссылаясь на Диодора Сицилийского [v. 77] произносит, что ритуалы, такие элевсинским, осуществлялись в Кноссе с ролью всех желающих.

Являясь эмблемой плодородия не лишь земного, однако и дамского, Деметра имела некоторое количество деток, и даже жеребца, как следует из последующего мифа, А. Г. Петискус.

" Единожды Деметра подверглась преследованию Посейдона. Спасаясь от могучего господя, она приняла разряд быстроногого жеребца, однако неудачно: Посейдон оказался наиболее резвым скакуном и пустился за нею. Плодом данных неутомимых скачек стал отпрыск Деметры – жеребец Арейон, создание необыкновенное, наделенное непостижимой быстротой бега, человеческим разумом и иначе говоря. Однако стыдливость и болезнь переполняли сердечко Деметры, произведшей на свет вещество, неудобное себе, и предание рассказывает, что богиня длительное время скрывалась в некий гроте по тех времен, покуда, омывшись в водах реки Ладон, не очистилась, и лишь тогда явилась опять в сонм бесконечных "

Миф о похищении дочери Деметры и о её розысках мы уже приводили, сославшись на Аполлодора.

Значение его несложно разгадать – это аллегорическое изваяние развгод восстанавливающегося зрелища умирения и возвращения к жизни растительного сеточка. Когда Кожура в расширение зимних месяцев пребывает в королевстве Аида, натура как бы облачается в печаль о погибшей дочери. В элевсинских мистериях бо-йня понималась как фотомакет высшей идеи, а конкретно бессмертия души. Жизнь всякого человека сходственна доле Кожуры: он делается добычей прохладной и неумолимой погибели, и только для эакого, чтобы великолепнее и веселее снова вылезти из сумрака могилы. Часто в кротких и полных плюсах чертах данной богини материнства встречается глубочайшая печаль, понятная тотилидругой матери: потомучто не раз, а каждую осень она обязана разлучаться с дочерью, уходящей в подземное королевство Аида. Из животных ей приносили в жертву скотин и свиней. Из растений посвящали несчитая злаков плодоносящие деревья и весенние цветочки, вособенности нарциссы и гиацинты. Сообразно сиим атрибутам, а втомжедухе сообразно корзине с колосьями, с которой нередко её изображают, просто узнать чадолюбивую богиню Деметру.

Элев-синские таинства, воспринимавшиеся как " влечения " Деметры, числятся одним из источников древнегреческой катастрофы и тем самым сближаются с вакханалиями Диониса. Павсаний обрисовывает церковь Деметры Элевсинской в Тельпусе(Аркадия), в каком месте соседствуют мраморные скульптуры Деметры, Персефоны и Диониса. Рудименты хтонического плодородия сказываются в куль-те Деметры эринии, который связан с выше-приведенным мифом, в каком месте Деметра в виде кобылицы смешивалась с Посейдоном, преследовавшим её в виде коня. " Сердящаяся и мстящая " Деметра(Эриния)омывается в реке и, очистившись, опять делается благостной богиней.

Персефона в Афинах величалась втомжедухе Персефаттой, а в Риме – Прозерпиной, как подразумевает Р. Грейвс, это были эпитеты нимфы, принося-

щей в жертву царя-жреца в кровожадной Греции.

Фантастическая Персефона является аллегорией растительности(раньше лишь злаковых культур), каждую зиму проводя некоторое количество месяцев под землей, а весной совместно с пробивающимися стволами, распускающимися цветами и листвой ворачиваясь к жизни. Чуть ли имеется иное, более правдоподобное разъяснение вида Персефоны.

Фрезер считал, что ежели богиня-дочь служила олицетворением прорастающего зерна грядущего урожая, то богиня-мать может одушевить семя прошедшего урожая, давшее жизнь юному зерну. Единой кандидатурой такому представлению о Деметре является догадка, соответственно которой данная богиня является олицетворением земли, из чьей широкой груди пробиваются семя и другие растения. Некие античные и новые создатели поистине придерживались представления, что изначальная натура Деметры была конкретно таковая.

Создатель гомеровского гимна очевидно не разделял этот взор. Он не только не считал Деметру персонификацией земли, однако и с большей резкостью противопоставляет их друг другу. Сообразно его понятию, непосредственно Земля в гармонии с волей Зевса в угоду Плутону приманила Персефону на точную погибель тем, что вырастила нарциссы и маки, какие прельстили молодую богиню, и в розысках их она забрела далеко в расцветающие луга, этак что никто уже не мог ей посодействовать. Таковым образом, Деметра из гомеровского гимна не лишь не тождественна богине земли, однако, обязано существовать, считала эту богиню собственным злейшим противником, потому что вследствие её изменнических козней она лишилась дочери. Ежели же Деметра не была персонификацией земли, то уместно предположить, что она была олицетворением зерна.

Персефона является в том же духе эмблемой семени, которое, будучи положено в землю, лежит вслед за тем некое время, как будто мертвое, чтоб начать позднее новейшую жизнь. С крайним представлением несложно связать идею о бес-смертии души, символическим изображением которого и стала

Персефона в мрачных учениях и мистериях. Как ни не достаточно мы знакомы с мистериями, все-же ясно, что они основным образом имели целью усиливать более ясные представления о загробной жизни. Сообразно сиим верованиям, погибель имеется восстановление души к пре-краснейшей и наиболее удовлетворенной жизни, очевидно, нежели человек добропорядочен такого блаженства своими праведными и угодными для богов делами.

Цветочки, какие, сообразно свидетельству Овидия, собирала Кожура, были маками, как подразумевал Р. Грейвс. На Крите отыскано изваяние богини с головками мака в волосах. На ином изображении, отысканном при раскопках могильника в Палекастро, богиня владеет маки в руке, а на золотом кольце изклада, отысканного в акрополе Микен, сидячая Деметра передает головки маков принципиальной Кожуре. Маковое зерно добавляли в хлеб, и маки совсем естественным образом символизировали Деметру, потому что они росли на нивах. Но Кожура собирает либо воспринимает маки вследствие их усыпительного деяния и красноватого цвета лепестков, который числился символом восстановления опосля гибели. Она вот-вот обязана удалиться на собственный годовой сон.

Владея двойственной натурой, Персефона выручала героев и не может запоминать землю и родителей. Персефона как жена хтонического Зевса-змея относится к глубочайшей архаике, когда сам Зевс был ещё " подземным " властителем королевства мертвых. Рудиментом данной связи Зевса Хтония и Персефоны является описанное в мифе хотение Зевса, чтоб Аид похитил Персефону назло её собственной воле и воле её мамы.

Личность Аида дает нам предлог выложить представления стареньких греков и римлян о грядущей жизни и о месте присутствия погибших. Уже в песнях Гомера заметны 2 совсем разных взора на местоположение королевства погибших. Сообразно одному из их, оно находится под землей, и благодаря от света его изолирует только узенькая крышка. Сообразно иной версии, королевство теней уже не распространяется под всей поверхностью земли, а располагаться на далеком западе, сообразно ту сторону океана, либо

на одном из его островов.

Подземное королевство является безлюдным и неясным помещением, в каком месте усопшие в облике теней водят существование, схожее сну. Этак называемый Элизиум, куда переселяются побкдители богов, у Гомера не составляет ещё единичного подземного королевства и рисуется в его изображении неотчетливо, в виде горы. У позднейших стихотворцев очертания подземного королевства выступают уже светлее. Оно представляет собой пространство, находящееся вокруг снутри земли, к которому с поверхности водят почтивсе входы и которое омывается почти всеми реками, в частности, Стиксом. Она немало раз обвивается кругом лишь подземного королевства, и через нее разрешено перебраться лишь с помощью па-ромщика Харона, которого представляли себе угрюмым стариком с вздыбленной бородой. Греки вкладывали в уста трупам небольшую медную монету для этакого, чтобы воротила не могла существовать отвергнута Хароном за отсутствием платы. Сообразно ту сторону реки, у ворот, сторожил ужасный собака Цербер, трехглавое чудовище, которое никому не воспрещает ввод в терем Плутона, однако никому не позволяет выхода. Сообразно достижению подземного королевства все души обязаны подвергнуться вслед за тем суду над трупами. Вердикт судей посылает праведных в Элизиум, в каком месте они отведывают навсюжизнь блаженный спокойствие, а законопреступников и лиходеев в Тартар, в каком месте они терпят мучения от, эриний и остальных злых духов. Те, какие не оказались ни непременно праведниками, ни непременно лиходеями, находятся на по-крытом травкой лугу, в каком месте они в облике теней водят угрюмое и мрачное пребывание.

Лета – аллегория забвения, дочь богини раздора Эриды. Име-нем Леты названа реченька в королевстве мёртвых, испив воду которой души умерших запоминают свою былую земную жизнь. Сообразно известию Павсания, поблизости пещеры Трофония в Лейбадее(Беотия)пришедшие спросить известный оракул по пьют воду из 2-ух источников: Леты – забвения, чтоб запомнить о заботах и волнениях, и Мнемосины – памяти, чтоб дать понять

услышанное и увиденное в гроте.

В королевстве мертвых был Элизиум, либо Полуостров счастливых, и Тартар – пространство для казни нечестивых. В каком месте конкретно, в каких пределах королевства Аида, они размещены, разные предания молвят разное, и все-таки сплошное миропонимание стареньких располагало счастливых жителей на дальнем западе, а Тартар – под землей, так углубленно, как приподнято небо над нею. В монастырь счастливых попадали, однако, не элементарно добросердечные люди, а особенные счастливицы, ставленники бесконечных богов, и вслед за тем присутствовали они под кроткой державой Кроноса, наслаждаясь благами нескончаемого золотого века.

В позднейшие эпохи данное вероисповедание позволяла полагаться достигнуть блаженного бессмертия всем хорошим людям и вособенности посвященным в Элевсинские таинства. Тартар же оставался уделом тех, кто растерял своей бесчестной жизнью на земле хоть какое благорасположение богов. Чтоб отдать понятие о мучениях, на какие были обречены эти несчастливцы, упомянем только о пытках Тантала, Иксиона, Сизифа, Тития и Данаид.

Эти беспощадные казни были лестным прототипом правосудия богов над согрешившими смертными, кто бы они ни были в долевой жизни.

Миф о Плуtone крепко укладывался в мифологические представления греков, связанные с природой. Небо, поверхность земли и море выдумывали цельный тривиальный мир, и они олицетворяли его Зевсом, Герой и Посейдоном. Однако и внутренность земли, которую считали порожней, античные представляли особенным царством, которое обязано было втотжедуже обладать личного владыку. В именах этого владыки отражено двойное о нем мировоззрение.

Это мнение об Аиде и погибели легло в поставленный мифологический образ, создав повествование о семействе Аида и Персефоны (Плутона и Прозерпины). Священная 2 подземного сеточка делается синонимом противоположных мнений – жизни и погибели. В обоих данных бо-жествах антич-

ные лицеизрели ужасную чету непримиримых противников всякой жизни, насылавших на нее длительную череду смертей. И, тем не менее, в том же мифе заложена былая, главенствующая во всей греческой мифологии мысль любви, заполняющая собой даже пределы подземного сеточка. Что же, как не влюбленность, приковывало Персефону к её грозному жену, когда на вызов матери Деметры она отвечала, что не может вернуться в земной мир, благодаря чему что уже по пятидесятипроцентов скушала приобретенный от него гранат – так называемое яблоко любви. В тесном родстве с подземным королевством смерти стала и Деметра благодаря собственной дочери. Однако, невзирая на оковы любви, в королевстве Аида отсутствие жизни очевидно(сообразно тому же мифу): священная 2 присутствовала бездетной. На изображениях Персефоны и Плутона гранат является их каждодневным атрибутом-символом.

В свирепых сообществах было что-то запретное на пищу красноватого цвета, которая предназначалась лишь мертвым; числилось, что гранат, как и восьмилепестковый красный анемон, появился из крови Адониса либо Таммуза. 7 зернышек лимонка, бытьможет, подходят 7 фазам луны, какие проходят с момента сева по появления первых ростков. Но вкусившая от лимонка Персефона восходит к Шеол, богине преисподней, пожирающей Таммуза, тогда как Иштар, 2-ая ипостась Шеол, рыдает, чтоб умиловить его запах. Гера, былая богиня погибели, втомжедухе владеет гранат.

Итак, мы расположены условиться с Фрезером, который считал, что Элевсинские мистерии полностью приурочены хлебу, открытому Церерой(Деметрой), и похищению Прозерпины(Персефоны)Плутоном. Прозерпина же, сообразно его понятию, олицетворяет плодородие зёрен. Неурожаи доэтого заставили Землю жалеть родное бесплодие и породили мировоззрение о том, что дочь Цереры, то имеется само плодородие, была похищена Плутоном и задержана им в подземном королевстве. Когда люди стали вольно апеллировать сообразно этому предлогу, к ним снова возвратилось Обилие. Сообразно случаю возвращения Прозерпины воцарилась удовлетворенность и были уч-

реждены священные ритуалы, во время которых изучали многому, что владеет весть только к изобретению земледелия.

Понятие о согласье мамы и дочери, олицетворявших благодарячему минувший и грядущий урожаи зерновых, подкрепляется их изображениями в греческом искусстве, какие нередко ничем не различаются друг от друга.

Портретное сходство изображений Деметры и Персефоны радикально не вяжется с суждением о том, что они служили олицетворениями 2-ух этак различных и просто отличимых друг от друга вещей, как земля и произрастающая на ней растительность. Ежели бы греческие профессионалы придерживались такого представления, они, непременно, нашли бы художественные образы, в которых проявилось бы глубочайшее отличие промеж данными богинями. Однако ежели Деметра не была олицетворением земли, то, сходственно собственной дочери, она, непременно, олицетворяла хлеб, который греки со времен Гомера этак нередко называли её именованьем. В выгоду тождественности дочери и мамы говорит не лишь большущее сходство их художественных образов, однако и то, что в большом святилище в Элевсине к ним обеим без особенного различения их личных характеристик и атрибутов непрерывно употребляли титул " две богини ", как какбудто они обе являющиеся воплощением некоторой единой священной субстанции.

Из совокупы имеющихся данных мы вправе завершить, что в сознании рядового грека эти богини были, раньше лишь, олицетворениями хлебных злаков и что в таком представлении о их, как в клетке, заключен грядущий расцвет их культа. Такое указание не означает отречения этакоего, что в процессе долголетнего развития религии на это обыденное мнение наложились высшие высоконравственные и интеллектуальные суждения, расцветшие наиболее пышноватым цветом, чем пшеница либо ячмень. Образ зерна, которое зарывают в землю для этакоего, чтобы оно поднялось для новейшей, высшей жизни, обязательно, вызывал в сознании людей аналогию с человеческой частью и усиливал в людях веру на то, что и для человека за гробом, в безызвестном мире, излучающем высшее блеск, начнется наилучшая, более счастливая

жизнь. 1-го этого ежедневного довода совсем достаточно для эакого, чтобы разьяснить связь Элевсинской богини пища с таинством погибели и с верой на неизменное счастье.

В доказательство такового, что приложение в Элевсинские мистерии античные рассматривали как ключ к воротам рая, разрешено привести замечания сопоставимо блаженства, которое предназначено посвященному в загробном мире. Мы непременно не в силах логически разьяснить такие огромные чаяния, какие античные ложили на этот культ. Однако утопающий, как светло, хватается за соломинку, и не стоит изумляться тому, что греки, разумея фатальность погибели и питая, сходственно нам, гигантскую влюбленность к жизни, не обдумывали очень длительно доводы " за " и " супротив " бессмертия человеческой души.

Миф о Деметре и Персефоне является одним из немногих легенд, в каком месте солнечную четкость греческого гения превзошла сумрачная деталь смерти. Потому, выводя этот миф из самых что ни на имеется ежедневных натуральных действий(из неявного осеннего увядания и бодрости весенней зелени), никогда, вообщем, не утрачивающих силу собственного деяния на человека, мы никаким образом не преуменьшаем его смысла.

Таковым образом, символика божеств помирающей и воскресающей природы у греков и римлян чрезвычайно схожа, однако совместно с тем очень трудна и многолика. Все 3 божества, осматриваемые нами, имеют оченьмно-го ярчайших атрибутов и ипостасей. Остается лишь удивляться, как сами античные не запутывались в заглавиях и знаках собственных покровителей.

Таковым образом, проведя анализ иконографии божеств помирающей и воскресающей природы, мы можем созидать, что изображения божеств в римском и греческом представлении очень схожи, как идентичны и сами представления о данных божествах. Наиболее явное отличие имеетместобыть, пожалуй, в том, что греческие представления наиболее разнородны и одаряют божеств обилием функций и эпитетов, тогда как римляне наиболее консервативно подходят к вопросам религии, их представления наиболее одно-

образны. Соединено это, как мы уже упоминала, вдогон за А. Г. Петискусом, с тем, что римляне жили на однообразной сообразно природе и занятиям местности, когда как греки находились под действием различных натуральных событий, отчего зависела и их разветвленная религиозная система.

Еще мы прибываем к выводу, что промеж божествами умирения и воскрешения природы у греков и римлян более сходства, ежели различия. И Деметра, и Церера были богинями верховными, носили чрезвычайно принципиальные функции для земледельческих сообществ – плодородие и урожайность полей и садов. Но, ежели Церера почиталась лишь в апреле и была только богиней плодородия, то Деметра носила ещё и функцию устроительницы домашнего родника и умных гражданских законов, а означает назначение её было попросторнее и уважали её на протяжении только года.

Кора(Персефона)была слету богиней подземного королевства, то имеется подсобляла погибшим, и исполняла функцию умирения и воскрешения природы. Прозерпина же у римлян, хоть и была копией Персефоны, однако все же не прижилась в римском сознании, слившись с Либерой. Функцию богини подземного королевства у римлян она вообще не выполняла.

Что же дотрагивается Аида(Плутона, Диспатера), то в Греции он носил функции неявного властителя сетка погибших, господ плодородия, отседова его название Плутон, а втомжедухе совместно с Персефой они представляли брачную пару, то имеется в этом виде выразились представления о семье. Диспатер был только властителем сеточка погибших, желая его функции здесь были попросторнее, чем у Аида, этак как души погибших в римской мифологии перерождались в духов, какие сберегали живых.

I. ОРГАНИЗАЦИЯ РИТУАЛА ПРИРОДНОГО И БОЖЕСТВЕННОГО У ГРЕКОВ И РИМЛЯН

1. 1 Обрядовая практика естественного и священного в культурах

старого решетка

Ритуал(от лат. Ritualis – ритуальный, от ritus – церковный обряд, праздничная церемония), исторически сложившаяся выкройка трудного символического поведения, кодифицированная система действий(в том числе речевых), служащих для выражения определённых соц и культурных взаимоотношений(признания каких-то ценностей либо авторитетов, поддержания социально-нормативной системы и т. п.).

В древнейших вероисповеданиях обряд служил основным выражением культовых отношений. В предстоящем с развитием мифологической, а позднее и религиозно-философской систем создаются мифологическая интерпретация обряда и ритуальных средств " драматизации " мифа. Желая такие религии, как христианство, в особенности в его протестантских формах, провозглашают примат " духовной " стороны(вероучения и ощущения)перед ритуальной стороной, фактически сохранение религиозных отношений в массах гарантируется в принципиальной мере действием конкретно данных ежедневных систем. Они выдумывают наиболее реакционный существующий религии, и толкование их изменяется в процессе секуляризации публичной жизни. Это делает нужным рассматривать разные типы ритуалов и их связи с исторически складывавшимися нормативно-ценностными системами сообщества.

В находящихся вокруг явлениях природы старенький человек подмечает удивительную многогранность, он чувствует вокруг себя очень много разных сил, какие, как ему сталкивается, взаимодействуют воинственно и даже сокрушительно – независимо как друг от друга, так и от верховного закона. Фантазия приводит его к многобожью, к политеизму. Так он представляет себе не одно существо верховного распорядка, однако столько, как замечает различных сил, верховодящих его существованием и жизнью, и одаряет их разной степенью могущества, величия и достоинства. Таким образом, человек формирует свой новейший мир – мир существ, которых он уважает, обожает либо страшится. Воздух, влага, земля, бора и

пашни, дворцы и хижины – все было в представлении стареньких много неведомой жизни, и, благоговейно преклоняясь перед её силой либо боясь её, люди старались существовать с нею в мире и гармонии, приобрести её благосклонность и содействие методом служения ей и принесения подарков. В потерять честь богов воздвигаются храмы и алтари в священных местах, чтоб чувствовать себя здесь поближе к высшей силе. Так как божество обязано, согласно логике человека, владеть определенным местожительством, подобно ему самому.

В силу данных верований появились разные жертвоприношения и дары, сопровождающие священные ритуалы: очистительные умиловительные жертвы, освящения, праздничные процессии, а у греков огромные народные празднества – Олимпийские, Немейские, Истмийские и Пифийские забавы, вконце концов, таинства, либо мистерии – Элевсинские, Орфические, Самофракийские. Это верование не лишь переходило от предков к потомкам, однако и покоряло обычаи остальных стран, благодаря впечатляющей красоте и стройности богослужения.

Обряд играет главную роль в летописи сообщества как традиционно изготовленный метод общественного обучения индивидов, приобщения их к корпоративным нормам жизни. Формирование правовых норм, системы высоко-нравственных представлений, частей рационального поведения личности и научного сознания вытесняет обрядовую сторону на периферию публичной жизни, основным образом в область обрядных форм официозного поведения и бытовых отношений (гражданскую обрядность, этикет, дипломатичный протокол и т. п.).

Сами античные эллины устарелой и тем наиболее классической эпох, жившие веками позднее происхождения мифов, не соображали уже смысла почти всех из их, некие легенды представлялись им уже развратными, их отторгали как фантазию либо клевету на богов, а благодаря чему пробовали подбавить стареньким сказаниям новейший смысл, соответствовавший той ступени духовной культуры, на которой они сами находились. И чем более

совершенствовавалась вероисповедание греков, тем более удалялись их боги от собственной первоначальной природы.

И тем наиболее сам человек отходил от данной религии. Все это должно было привести и привело к ослаблению и упадку язычества.

Мы живем в иное время: мифы греков и римлян не имеют все шансы обладать для нас религиозного смысла, однако в следствии нашего личного духовного развития и верного понимания развития летописи населения земли мы не обязаны пренебрегать религиозными верованиями стареньких народов, какие в существенных элементах прилегли в базу и нашего личного.

В. Дюрانت выделял в греческой религии 3 вещества и 3 стадии: утопическую, олимпийскую и мистериальную. 1-ая имела, быстрее лишь, пеласго-микенские корешки, вторая – может быть, ахейско-дорийские, третья – египетско-азиатские. 1-ая традиция уважала подземных, 2-ая – небесных, третья – воскресших богов. 1-ая была более популярна посреди бедноты, 2-ая – среди людей состоявшихся, третья – в низах среднего класса. 1-ая, сообразно его понятию, первенствовала в догомеровскую, 2-ая – в гомеровскую, а третья – в послегомеровскую эру. В контексте нашего изучения непосредственно мистериальная стадия представляет более значительный интерес. Во эпохи Периклова просвещения самым массивным элементом греческой религии были мистерии. В греческом значении слова, мистерия представляла собой секретную церемонию, во время которой открывались священные знаки, совершались символические ритуалы; в ней участвовали лишь посвященные. Традиционно ритуалы воссоздавали либо подсказывали в полудраматической форме влечения, смерть и воскресение господина, обращались к стареньким вегетационным темам и магии и обещали посвященным собственное бессмертие.

Чтоб собрать абсолютное мировоззрение о культе богослужения стареньких, нужно изучить обрядовую практику стареньких, этак как в древности богопочитание выражалось основным образом в жертвах, приносимых жрецами на алтарях. Однако в древности потерпевшая сторона числилась долею

такового благоденствия, поделиться которым с всевышними человек считал себя обязанным: потому что боги, согласно его представлению, и отправляют ему это благополучие. Человек привык ждать неотвратимое наказание от эдакого, кому он в чем-нибудь способствовал, а в том же духе понятная эмоция благодарности принуждает нас делиться собственным имуществом с тем, кто готов подействовать нам, и обнаружить ему размещение. Этак и в те времена человек считал собственной повинностью отсоединять божеству подобающую деталь такового, что было приобретено с поддержкой либо благодаря расположению этого божества. Землероб приносил деталь от жатвы, пастырь – от первенцев стада, торговец и мореплаватель выделяли деталь от своей прибыли, а воин – от собственной добычи, завоеванной не без поддержки богов. Взывал к бессмертным и пиит, и живописец, и богатырь приносил божеству в облике дара соответствующую деталь добытой собственным трудом платы, которую и отдавал обыкновенно в церковь. Уклонявшийся от данной повинности обязан был страшиться неистовства богов. Любому божеству приносилась потерпевшая сторона, милая ему, как верховодило, то, что вступало в круг его " повинностей " и благодаря чему числилось его задаром и имело глубочайшее и неясное известие к самой его сути. Из животных приносили время от времени в жертву и таковых, какие омрачают священные дары; этак, к примеру, в жертву Дионису приносили козла, портящего виноградные лозы. Жертвенное четвероногое обязано было существовать без мельчайшего порока и торжественно увенчанное приводилось к алтарю в священной жертвенной повязке. Вот отчего на скульптурных монументах мы зрим жертвенного тельца, убранного венками, либо предназначенную в жертву свинью – с повязкой.

Само богослужение жертвоприношения творилось жрецом. Эту главную обязанность, поэтому стареньким, могли брать не только мужчины, однако и дамы. Мы знаем целые роды, в которых жреческая обязанность у алтаря эдакого либо иного божества становилась потомственной: таков, например, вид Эвмолпидов, наследовавших из поколения в происхождение обязатель-

ство жрецов Элевсинской Деметры.

Жертвоприношение начиналось с эакого, что у животного срезали на лбу некоторое количество волосков и как начальный дар божеству кидали их на жертвенный пламя, позднее посыпали промеж рогов смешанной с солью жертвенной пыткой и с мольбами и воззваниями убивали. Кровью поливали кругом жертвенника, внутренности животного, перемешанные с пыткой, вином и благоуханиями, сжигались на алтаре. Жертвенные доли животных, приносившихся морским и речным божествам, погружали на глубину в сосудах. При жертвоприношениях подземным всевышним четвероногое обязано было существовать темной масти и стояло в вырытой яме. Останки жертвенного мяса съедались на праздничном пиршестве.

В Олимпийских, Немейских, Пифийских и Истмийских забавах принимали роль все свободнорожденные греки. Личика, не являвшиеся гражданами, не допускались. Во время празднеств прекращались все распри, и глубочайший мир воцарялся всюду, в каком месте жили греки.

Как подмечал М. Нильсон в собственном исследовании " Греческая народная вероисповедание ", Старая Греция(за исключением немногочисленных ремесленных и торгашеских центров)была государством фермеров и пастухов, а почти все из эаких именуемых " городов ", поэтому новеньким изучениям, были только лишь крупными деревнями. Определенные провинции, такие как Беотия, Фокида и Фессалия, не разговаривая уже о Мессении, постоянно были земледельческими. И в остальных отношениях некие из их в классическую эру все ещё находились на невысоком уровне. В качестве образчиков здесь разрешено именовать Аркадию, Этолию и Акарнанию. За исключением нескольких городов, которым принадлежит определяющая роль в летописи Греции, данная руководство жила земледелием и скотоводством. В древности, по эакого как началось творение ремесел и торговли, это относилось ко всей Греции, однако конкретно тогда закладывались основания греческих культов.

Кукуруза, пшеница и ячмень постоянно были главный пищей греков. Днев-

ная доля пищи для борца, тружеников и рабов постоянно измерялась в мерах зерна.

К хлебу добавлялись оливки, фиги либо мало козьего сыра, и мало фактор. Практически таковым же остается рацион греческого крестьянина и соответственно сей день. Мясо не было будничной пищей. Животное убивали вследствие такового, чтоб брать посетителя, как это сделал Евмей, когда в его хижину пожаловал Одиссей, однако это рассматривалось в том же духе и как жертвоприношение. В общем, обыкновенные люди ели мясо лишь в дни огромных праздничков, сопровождавшихся жертвоприношениями. Это напоминает большие пасхальные пиршества в современной Греции, в каком месте фермеры время от времени едят мясо. Эту изюминку жизни греков здорово владеть в виду, приступая к исследованию обычаев Старой Греции. Смысл земледелия для народных праздничков подмечалось уже самими старенькими. Как мы можем созидать непосредственно фермеры учреждали 1-ые празднички и ритуалы инициации, конкретно они устраивали 1-ые танцевальные хоры в потерять честь Диониса у давилен и инициации в потерять честь Деметры вслед за тем, в каком месте происходил обмолот. Исследование греческих праздничков и обычаев, имеющих настоящее религиозное смысл, показывает, что усмиряющее количество их носило аграрный характер. Итак, роль земледелия в жизни людей древности отображается даже в религиозных ритуалах.

Однако значение земледелия для праздничков, основанных на религиозных ритуалах, сии не исчерпывается. Календарь греков – это календарь праздничков, поставленный для всеобщего сведения под заступничеством Аполлона Дельфийского, для такового чтобы ритуалы, поставленные в потерять честь всякого бога, совершались в родное, определенное время. Однако задолго по такового, как Дельфийский оракул был присвоен Аполлоном, земледелие породило естественный календарь. Земледельческие работы руководились друг за другом в неизменном распорядке, потому что они объединены со периодически года. Этак же и ритуалы и церемонии, связанные с данными

работами – севом, уборкой и обмолотом, возделыванием сада и сбором урожая, – руководились в соответствующем распорядке. Для всякого вида работ требовалось священное заступничество, и оно снабжалось при поддержке определенных обычаев, какие относились, в общем-то, к старенькому слою религии и имели чародейный нрав. И по нашим дням у фермеров Европы сохранились некие обычаи, очень такие с ритуалами стареньких греков.

Богиней земледелия в Греции была Деметра, а в том же духе её дочь Кора-Девственница. В имени Деметры " -meter " значит " мать ", а в отношении главенствующего слога представления филологов расползаются: он может обозначать и " земля ", и " семя ". Культ же указывает, что Деметра – это Зерно-Мама, а её дочь – Зерно-Девственница. Деметра не элементарно богиня растительности в целом, однако богиня культивации зерновых. Герои Гомера, будучи бойцами, не часто упоминали об данной богине фермеров.

Упоминания о ней у Гомера редкостны, однако они вполне практически указывают на то, что Деметра была богиней зерна, которая аспекты веянием зерна. Гесиод же, который и сам был крестьянином, и сочинил свою поэму для фермеров, Деметру упоминает нередко. К примеру, он строчит, что когда, приступая к севу, плугарь берется за рукоять плуга, он обязан вознести моления Деметре и Зевсу Подземному, чтоб Деметра принесла ему толстый плод. Сев, пахоту, сбор урожая и остальные земледельческие работы Гесиод именуется трудами Деметры.

Сельскохозяйственные работы сопровождались ритуалами и праздничками, посвященными, основным образом, Деметре. В древние эры миф о Коре-Персефоне служил разъяснением ритуала, популярного как Фесмофорий и посвященного двум богиням, а конкретно Деметре и Персефоне. Пир, проводившееся осенью, в луне пианепсион (октябрь-ноябрь), являлось каждодневным праздничком сбора урожая и посвящения подарков богине плодородия. Продолжался он 3 дня, в смещение которых мужчинам не лишь не дозволялось на нем находиться, однако и произносить о нем промеж собой. Предполагалось, что эти дни они обязаны существовать дома. Дамы собирались на

холмике Акрополя, и в 1-ый день(величавшийся " kathodos " - нисхождение либо " anodos " - восхождение)" вычерпывающие " – женщины, какие постились 3 дня, – вытаскивали из ям останки свиней, заблаговременно принесенных в жертву, и размешивали их с семенем, чтобы при поддержке симпатической магии снабдить богатый сбор. Их разбрасывали на 3-ий день(" kalligeneia " – прекраснорожденная, либо происхождение великолепной). В ежедневный день(" нестия ")дамы садились на землю и задавали друг другу ритуальные загадки, в которых содержалось упоминание о несчастье Деметры, потерявшей свою дочь Персефону. Остальные источники именуют ещё волшебный обряд " Халкидианское гонение ", однако нам о нем ничего не светло.

Зимой, когда посевы в Греции прорастали и зеленели, совершались жертвоприношения Деметре Хлое(зелени); а когда наступало время обмолота зерна, праздновались Фалисии. Лучше только известен нам праздничек осеннего сева, Фесмофории. Ни об одном ином праздничке мы не владеем стольких свидетельств из различных мест. Саму Деметру окрестили " thesmophoros ", а совместно с дочерью они были 2-мя " thesmophoroi ". Определение это переводилось на латынь как " legifera ". В таковой интерпретации словечко " thesmos " трактовалось как " закон " либо " веление ", и само миропонимание оказывалось связанным с представлением о земледелии как об основании цивилизованной жизни и подчинения законам. Конкретно данная мысль выступает на предшествующий сан в Элевсинских мистериях, какие были сначала праздничком осеннего сева, сходственно Фесмофориям, которым они чрезвычайно близки. Греки считали, что конкретно благодаря подарку Деметры люди живут не этак, как одичавшие звери, и хвалили Афины как колыбель земледелия и цивилизации.

Однако таковая интерпретация этого эпитета, сообразно понятию М. Нильсона, является поздней и неверной. Она возникла только тогда, когда люди начали раздумывать о роли земледелия и признали его базой цивилизации. " Thesmos " – это элементарно " то, что положили ", а в составных заглавиях

праздничков, заканчивающихся на " -phoria ", 1-ая деталь названия означает то, что несут в торжественной процессии. К примеру, заглавие " oschophoria " указывает, что несут ветки. Таковым образом, эти " thesmoi " – предметы, какие несли во время праздничка Фесмофории, и мы знаем, что это было. В определенное время года, существовать может, во время иного праздничка в потерять честь Деметры и Кожуры, Скирофорий, отмечавшихся в период обмолота, в подземные погреба кидали свиней, а в том же духе остальные атрибуты магии плодородия. Во время Фесмофории их разложившиеся остатки извлекали, размещивали с зернами посевов и ложили на алтари. Это чрезвычайно обыденный и старенький чародейный ритуал плодородия, узнаваемый как в Афинах, так и в остальных областях Греции. Хавронья была священным животным Деметры.

Фесмофории и некие другие празднички Деметры не позволяли роли парней. Некие спецы считают, что дело в том, что праздничек этот ведет родное возникновение от самых древнейших времен, когда культивацию растений делали женщины. Мы же расположены достигать соглашения с М. Нильсоном, потому что культивация злаков средством плуга, запряженного быками, постоянно была мужским занятием. Но Фесмофории были праздничком плодородия, и дамы молились не лишь о плодородии полей, однако и о собственном собственном, греческом языке " сев " и " зарождение " постоянно были параллельными мнениями. В сознании греков дама наиболее подходила для совершения волшебных традиций плодородия, а благодаря чему мужчины и не участвовали в данных праздничках.

Упоминания о праздничке осеннего сева видятся довольно нередко, а вот о соответственном ему праздничке урожая, Фалисиях, упоминаний потрясающе мало. Но это единый праздничек, упоминаемый Гомером, который строит, что жертвоприношения совершались на местах обмолота. Этот праздничек обрисовывает Феокрит в собственной прекрасной седьмой идиллии: в крайних её строках он рисует алтарь Деметры на обмолоте. Он строит, что желал бы, чтобы ему пришлось ещё раз спустить гигантскую лопату в груды

зерна, когда хозяйка Деметра, усмехаясь, стоит вблизи со снопами и маками в руках. Сбор урожая и в данный момент остается одним из самых фаворитных сельских праздничков. Может быть, возражение промеж репутациею этого праздничка в наше время и редкими упоминаниями о праздновании Фалисий в Старой Греции окажется только мнимым. Ритуалы осеннего сева, получившие статус городского праздничка, отмечались в поставленные дни календаря, а сбор урожая был семейным праздничком, который отмечался в каждом доме, когда кончался обмолот, и дата его не была укрепена.

Был и ещё один праздничек сбора урожая – Каламайи; он в том же духе был достаточно часто встречаемым, однако светло о нем совсем не многое. Само его заглавие проистекает от слова " *kalamos* " – ствол пшеницы, а время его проведения – июнь, и его ассоциация с Деметрой, по-видимому, указывают на то, что это был праздничек урожая.

Как это традиционно приключается на праздничках урожая, во время Фалисий приносились в жертву 1-ые дары помоны. Свежевыпеченный из зерна новейшего урожая каравай именовался " *thalysion arton* ". Такие караваи упоминаются в том же духе и в остальных контекстах, и даже хозяйка Деметра получила название " богини огромных караваев ". В Аттике таковой каравай именовался " *thargelos* ", он и отдал родное фамилия иному непревзойденно знаменитому праздничку, Фаргелиям. Однако этот праздничек уже относится к культу Аполлона, а не Деметры.

В летописи обычаев и ритуалов стареньких имеется эталоны, когда в качестве первых плодов собирались неспелые колосья. Этак поступали римские девы-весталки, когда они готовили " *mola salsa* " в истоке мая.

Подаренье первых плодов традиционно считается жертвой благодарения всевышним, и обязано существовать, почтивсе приносили их конкретно с сиим расписанием. Однако, сходственно большинству обрисовываемых здесь обычаев и обычаев, подаренье первых плодов античное, чем почитание богов.

Корешки этого ритуала чудесные. У почтивсех обыденных народов определенные растения и маленькие животные в некий период времени числятся

запретными для потребления в пищу, а аннулирование этого запрета сопровождается томными церемониями, направленными на возвышение числа данных растений либо животных.

Миф о Деметре в Элевсине служил разъяснением самых узнаваемых празднеств в древнем мире – Элевсинских мистерий. Сообразно предлогу данных мистерий было написано много книг, здесь же достаточно сказать, что они проводили посвящаемого чрез серию инициаций средством откровения и подводили его – все поближе и ближе – к приобретению бессмертия.

Наравне с общественными отправлениями городского и народного богослужения, в Греции существовали сокрытые религиозные церемонии, из которых исключались все неудовлетворявшие известным определенным условиям, и какие величались таинствами. Они относились в большей степени к культу Деметры, Персефоны и Диониса, т. е. к группе божеств, связанных с землей. Фактор этого П. Гиро разъясняет очень элементарно, беседуя, что для человека ничего не могло существовать загадочнее земли, являвшейся слету родником каждой производительности и жизни и общей могилой всех существ. Вследствие этого божества, присутствовавшие в ней, обязаны были владеть скрытой жизни и гибели; эту-то тайну греки, без сомнения, и прибывали узнавать в Элевсине, стараясь средством особенных традиций зайти в сношение с всевышними.

Как уже подмечалось наиболее, празднички, сопровождавшие отдельное действие крестьянина, приурочены были в главном Деметре и Коре (Фесмофории, Фалисии, Каламайи и остальные). Но, ключевые пиршества в их потерять честь – Большие Элевсинские мистерии – справляли осенью, когда завершался сбор урожая. Этот праздничек был воплощением мифа о Деметре и её дочери, потому главной соответственной его чертой была "энигматичность", объяснявшаяся вероятнее только тем, что в дни устанавливалась определенная ассоциация с мрачным и неясным царством усопших, в каком месте совместно со своим супругом Аидом властвовала Персефона, полгода обитавшая вслед за тем, под землей, а весной возвращавшаяся, поэтому ми-

фу, к собственной матери Деметре. В ритуалах и пиршествах в потерять честь обеих богинь могли участвовать лишь " приуроченные " – мисты. Добиться же посвящения могли все – мужчины, дамы, свободнорожденные граждане, ино-странцы, рабы, потому что перед Деметрой, богиней плодородия, и Персефоной, повелительницей мертвых, все были идентичны. Исключались только те, кто запятнал себя посторонней кровью. Вообще, ежели верить Аристофану, который в собственной комедии " Лягушки " вывел на сцену хор мистов во главе с их предводителем – жрецом, эти ограничения распространялись и на остальные преступления.

Комедиограф очевидно размешивает здесь мотивы шуточные и серьезные: может быть, люди, чем-нибудь запятнавшие свою потерять честь, к Элевсинским таинствам не допускались. Сначала мистерии носили нрав здешний, были соединены лишь с храмом Деметры в Элевсине, однако опосля соединения Элевсина с Афинами превратились в празднество общегосударственное.

В дни праздничка мисты собирались совместно, совершали очистительные омовения в море в Фалере около Афин. Обмывали и поро-сенка, которого на последующий день приносили в жертву Деметре в её храме в Элевсине. Процессия направлялась из Афин в Элевсин и добиралась по месту опосля захода солнца. Спереди шли иерофанты – верховные жрецы, посвящающие в таинства культа, в окружении остальных жрецов, должностных лиц страны, ино-странных послов, а за ними двигалась большая толпа афинян, разбитых на группы сообразно филам. Сообразно дороге процессия становилась во всех местах, связанных с культом Деметры, обращаясь вслед за тем с мольбами к богине.

Прибыв в Элевсин, соучастники праздничного шествия были должны беречь пост, собирались на побережье, обозревал гору, на которой доэтого посиживала Деметра, оплакивая молодую дочь, похищенную властителем подземного королевства Аидом. Потом на площади перед святилищем совершались некие ритуалы, связанные с посвящением в мисты. Поначалу готовили мис-

тов, а позже те, кто прошел проверку, становились так именуемыми эпонтами, имевшими преимущество принимать роль во всех ритуалах, в том числе и в основных мистериях, происходивших в самом храме Деметры в Элевсине. Ритуалы эти состояли основным образом из разыгрывания драматических сцен, иллюстрировавших старенький миф о Персефоне: её похищение Аидом, рыдание и печаль матери, её розыски пропавшей дочери, возвращение Персефоны к маме весной. В доле Персефоны (у римлян Прозерпины) аллегорически отразился годичный цикл пробуждения природы весной и её засыпания осенью. При этом таинства подсказывали людям и о кратковременности только живущего на земле; вообще, мисты, получившие приложение, верили, что опосля гибели их ждет участь наиболее благосклонная, ежели тех, кто не был допущен к Элевсинским мистериям. Последующий день опосля Больших мистерий посвящали массовым зрелищам, легкодоступным всем.

На обратном пути, из Элевсина, в согласовании с традицией, надеялось рассеять праздничное размещение соучастников шествия: во время перехода через мост на реке Кефис окружающие жители обрушивали на соучастников процессии гроя шуток, задиристых острот, язвительных замечаний. Некие шуточки, обращенные к должностным личикам, могли отстранять характер даже политического обличения. Когда процессия переходила мост и направлялась в сторону Афин, шутки прекращались, и снова воцарялась грозная, благоговейная праздничность.

Как подмечал П. Гиро, для общения с всевышними через мистерии нужна была популярная подготовка. Разрешено было зайти в количество посвященных лишь умеренно. Была взыскательно определенная градация: с одной стороны, в облике перехода от малеханьких таинств к большущим, какие разделялись промеж собой интервалом в 7 месяцев, – и, с иной стороны, от огромных таинств к таинствам эпоптии, промеж которыми проходил, сообразно наименьшей мерке, год. Жрецы имели абсолютное привилегия отторгать в участии в данных священных ритуалах. В перемещение долгого времени схожая

привилегия предоставлялась лишь афинским гражданам; позже, когда к таинствам допускались все греки, это дозволение постоянно обуславливалось некими нравственными требованиями. Данная вероисповедание, существовавшая поначалу только для избранных, распространялась все попросторнее и попросторнее, оберегала требование на безусловное пересоздание душ и жаждала сформировать из личных преданных избранное сообщество.

В маленьких таинствах участвующие подвергались первоначальному воспитательному действию. Оно содержалось, раньше лишь, в очищении, метод которого нам безызвестен, однако которое, сообразно всей вероятности, было высоконравственным очищением, нужным для посвященных. В Самофракии на жреца, величавшегося коэсом, возлагалась обязательство выслушивать признание в грехах от посвящаемого; однако ничего не подкрепляет, чтоб похожая исповедь требовалась в малеханьких таинствах. За первой церемонией руководились, может существовать, мольбы, моления, чтение священных легенд и мимическое воссоздание данных легенд, имевших известие к союзу Диониса и Кожуры, возвращение которой на землю праздновалось весной.

Большие таинства либо элевсинии, праздновавшиеся в эру Геродота лишь через различные 5 лет, позже происходили хотькакой год во второй половине боэдромиона(сентября). Этот праздничек, длившийся не менее 12-ти либо 14-ти дней, разделялся на две разные части, праздновавшиеся поочередно в Афинах и в Элевсине.

Старый сельскохозяйственный культ мог идти разные идеи высоконравственного нрава. Мы уже знаем, что к паре, состоящей из 2-ух богинь, был прибавлен Триптолем. Однако поначалу это было не этак. " Гомеров гимн " упоминает его только как 1-го из представителей Элевсинской знати. Мы можем изучить процесс его возвышения к статусу богатыря. Сиим возвышением он был должен личному имени, которое может обозначать " трижды раборствующий ", однако которое понималось как " трижды запахивающий ".

И вот он стал богатырем трижды вспаханного поля, времяотвремени его изображали с плугом в руке. Павсаний упоминает о святилище Триптолема на священном Рарийском поле около Элевсина – колыбели земледелия, места, в каком месте были посеяны 1-ые зерна. В конце шестого века по н. э. изображения Триптолема начинают возникать на чернофигурных вазах; он стает в виде бородатого богатыря. На ранешних краснофигурных вазах его изваяние встречается вособенности нередко. Мы видим его сидячим на крылатой колеснице, запряженной змеями, либо стоящим промеж 2-мя богинями, какие дают ему прощальную чашу, посылая его учить людей земледелию. Однако и здесь, невзирая на присутствие богинь, центральной фигурой остается Триптолем.

М Нильсон в собственном исследовании сельских традиций ориентировал, что фермеры любили мир, этак как борьбы для их значили сожженные поля и вырубленные сады. Гесиод писал, что закон одичавших зверей в том, чтоб уписывать друг друга, людям же Зевс отдал верность. Гесиод проповедовал труд, дающий человеку пропитание, и верность, которая ручается человеку вероятность пользоваться плодами собственного труда. Гесиод отступил от забиячливых эталонов героев Гомера и хватал на орудие новейший идеал, противоречащий старенькому – идеал сеточка и справедливости, основанных на земледелии. Ему идет такой герой, как Элевсинский Триптолем. Этот главный переворот в высоконравственных представлениях заслуживает адекватной оценки. М. Нильсон даже ориентировал на то, что Элевсинский культ базируется непосредственно на той идее, что земледелие имеется родник цивилизованной мирной жизни, подходящей человеку. Об этом писал Аристофан в комедии " Лягушки ". Мисты напевают: " Солнце и свет утехи имеется только для нас, посвященных, живущих праведной жизнью и правосудных сообразно отношению к иностранцам и своим личикам ". Для этакого, чтобы полагать на лучшую долю в мире ином(к чему и устремлялись мисты), нужно было зайти прибавление; однако здесь к этому добавляется ещё одно заявочное пожелание – законность, однако не в общем, а " сообразно отноше-

нию к иностранцам и своим личикам ". В числе данных личных лиц были и рабы. К Элевсинским мистериям допускались и рабы, и иностранцы, ежели они говорили по-гречески. Эти две категории в древности гражданских прав не имели. В мистериях же это ежедневное ограничение преступалось. Мистерии не могли отдать рабам законных прав, однако они требовали от мистов праведной жизни, что подразумевало не просто выполнение закона, однако даже более. Вправду, это была попытка переступить традиционные барьеры промеж отдельными городами-государствами и осмыслить население земли как большущее братство. Такие высоконравственные идеалы, сформированные качествами земледельческой жизни в старой Аттике, и были развиты в Элевсинском культе.

Однако это ещё не все, что сулили посвященному Элевсинские мистерии. В " Гомеровом гимне " говорится: " Счастлив, кто это лицезрел. Не прошедший посвящения не удостоится таковой участи опосля гибели, в мрачной тьме ". Та же мысль проявлена и у других создателей античности, они в унисон подмечают, что видевший мистерии трижды счастлив, когда пойдет в будущий мир, потому что лишь для таких – жизнь, а для остальных все злобно. В Аристофановых " лягушках " хор мистов звучит в сцене, происходящей в подземном мире. Мисты пляшут и пиршествуют на лугу, усеянном цветами. Данная религия в то, что их посмертная участь станет более счастливой, занимала разумы посвященных. У нее были античные корни – общераспространенная мысль о том, что посмертная жизнь имеет возобновление дольней. Это мировоззрение отображено, к примеру, в одиннадцатой книжке " Одиссеи ", в каком месте описано странствие Приключения в будущий мир. Дело в том, что мисты веровали, что в подземном королевстве они продолжат празднование мистерий, как это рисуют Аристофан. Так как мистерии были самым большущим из известных им событий, то такое мировоззрение о будущей жизни являлось безусловной противоположностью темному и неясному Аиду, в который веровали греки.

Итак, это чрезвычайно рядовая мысль, однако, может быть, она подходила

чаяниям большого количества людей. Однако стоит напрячься над тем, не породили ли Элевсинские мистерии наиболее сложного представления о жизни и гибели.

Ритуалы Элевсинских мистерий кропотливо сохранялись от самой древности, желая и они, непременно, могли чуть-чуть модифицироваться с течением времени. Особенного Элевсинского учения не было, а были только некоторые обыкновенные главные представления о жизни и гибели, символически выраженные в виде нового колоска, прорастающего из старенького зерна. И хоть какое возникновение могло разъяснять их в согласовании со своими настроениями. Конкретно сиим разъясняется таковая выносливость этого более почитаемого культа Старой Греции. Его держава была в неимении догматов и в узенькой связи с глубочайшими чаяниями человеческой души.

Одной из форм почитания богов, общеэллинских либо местных, были агоны – каждого рода состязания, соучастники которых старались выделиться своими достижениями в той либо другой сфере жизни, художества. Соревнования, как отмечает Л. Винничук, случались не только спортивные, главенство спорили друг у друга и музыканты, и певцы, и создатели трагедий и комедий, и артисты. Существовал даже конкурс младенцев; развгод во время праздника Фесмофорий, посвященного Деметре как Мамы красивых детей, дамы представляли комиссии собственных детей, рождённых в смещение истекшего года, и та, чье дитя было признано самым прекрасным, удостоивалась заслуги. Запах соревнования, борьбы, агонистики, без которого утопично взять толк культуру и целый уклад жизни старой Эллады, выискал амнистия уже в легендах, потому что и олимпийским всевышним и богиням не чужды были конкуренция, состязания: чем другим, нежели не конкурсом красы, был известный трибунал Париса, решавшего, кому из 3-х больших богинь дать яблоко, предназначенное " великолепнейшей ". А как раз смертные дамы бросали вызов богиням, отваживаясь конкурировать с ними собственной красой либо художеством рукоделья, как это сделала некогда решительная Арахна, пожелавшая затмить в прядении и ткачестве саму богиню

Афины. В данной духовной атмосфере, пронизанной идеалами соревнования, главенства, заслуги физического и высоконравственного плюсы личности, особенное значение имели, непременно же, большие спортивные состязания, забавы.

На Элевсин просочились в том же духе и Дионисийские составляющие. Одна из связывающих нитей – это, непременно, Иакх, схожесть которого с Дионисом-Вакхом мы уже отметили. Однако были и внутренние связи, потому что культ Диониса в одном из собственных свойств владеет весть к циклу вегетации. Это предсказание срастания различных волшебных культов, которое стало каждодневным явлением в наиболее позднюю эру. Отпечатки такого синкретизма выслеживаются и в Римской эпохе.

Как и в Греции, возникновение римских празднеств и зрелищ неотделимо от летописи местных верований, культов и религиозных обычаев. Античные италийцы не знали антропоморфизма, и лишь под действием этрусков, а позже греков римляне начали изображать личных богов и богинь в человеческом облике. В Риме почитали 12 основных божеств: Юнону, Юпитера, Весту, Марса, Цереру, Аполлона, Диану, Нептуна, Вулкана, Меркурия, Минерву и Венеру. Со время от времени их стали предопределять с крупными греческими всевышними благодаря чему.

Нужные ритуальные формулы молитв и заклятий передавались изустно, вестать их должен был хотькакой отец семейства, хотькакой сельскохозяйственный владелец. Нужно было неподражаемо разбираться и в том когда, как и какие жертвы приводить всевышним. Со время от времени ритуальные формулы, методы совершения обычаев стали укреплять письменно – безбедные сведения о культовых обычаях стареньких римлян разрешено отыскать в трактатах о сельском хозяйстве, раньше лишь у Катона Старшего. Земледельческие ритуалы игрались в жизни Рима этак гигантскую роль, что уже в 1-ые годы римской летописи, сообразно понятию Плиния Старшего, на которого ссылался Л. Винничук, во эпохи самого Ромула, появилась особая жрецкая коллегия из 12 человек, величавшихся " арвальскими братьями "(от "

арвалис " – сельный, пахотный). Это бы представители самых авторитетных родов, и в их повинности вступало подсоблять культы вособенности почитаемых местных земледельческих божеств: богини урожаев сообразно имени Деа Диа, отождествляемой с Церерой, и господа Марса. Знаком-символом жреческого сана " арвальских братьев " являлся венок из колосьев, перевитых белоснежной лентой; преимущество на ношение такого венка была нескончаемой, и мещанин Рима хранил преимущество на этот символ отличия, даже находясь в изгнании либо попав в рабство.

Каждую весну, в середине мая, коллегия устраивала Амбарвалии – праздник праздничного обхода полей в потерять честь Марса, Цереры и богини Деи Дии. Им приносили в жертву свинью, овцу и быка, привсемэтом во время личных жертвоприношений – юных животных, ещё вскармливаемых молоком, на официальных же пиршествах – животных, уже достигших зрелости. Жертвенных животных обносили кругом поля, а " арвальские братья " напевали при этом обрядовые песни. Некоторое количество веков спустя Октавиан Август отвел членам коллегии рошу, посвященную богине Дее Дие либо Церере, около Кампанской пути на правом сберегаю Тибра, и тогда же стали справлять Амбарвалии в самом Риме: жрецы с песнями совершали вывод городской черты, вознося всевышним моления об изобилующем урожае. Археологам вышло отыскать протоколы коллегии, датируемые 218 годом н. э., повествующие о деятельности этого старого религиозно-общественного ВУЗа, 1-го из наистарейших в Риме. Был отыскан втомжедухе ценнейший монумент древнеримской литературы – отрывок старинной песни " арвальских братьев ". Амбарвалии – обычай торжественной процессией отходить поля, заклиная богов и принося им жертвы, – мы обретаем во всей его старой чистоте ещё немало веков спустя опосля его зарождения у наиболее поздних создателей.

Этак как в своей жизни владельца сельского поместья замещал при выполнении религиозных обычаев верховодящий – вилик, то конкретно к нему обращается в собственном трактате Катон Старшой с советами, как должно де-

лать в тем либо другом случае. Катон тщательно обрисовывает формы обычаев, выделяет разные виды жертвоприношений – одни мог делать только свободнорожденный мещанин, другие были доступны и для роба. Он рассказывает, к примеру, как существовать символическое вылушение полей, чтоб боги даровали неплохой сбор. Это ритуальное вылушение подсказывало ритуал Амбарваллий: здесь в том же духе обходили кругом поля, вода с собой жертвенных животных и произнося традиционную мольбу: " Поручаю тебе, Маний, с поддержкой богов и в хороший час обойти с шествием мое поместье, поле и земли мои в той доли, в какой-никакой повелишь ты анонсы кругом животных либо обвести их и побеспокоиться об очищении ". Откуда взялось здесь фамилия Маний – почему-либо: как предполагает Е. А. Круглов, это было ритуальное фамилия, происхождения которого мы не знаем, сходственно тому, как ритуальными именами при совершении свадебных обычаев служили Гай и Гайя.

Любому виду сельскохозяйственных работ обязаны были предшествовать надлежащие жертвоприношения и мольбы. Перед истоком жатвы богине Церере приносили в жертву свинью. Катон показывает: " До этого чем заканчивать свинью, воскури ладан и соверши возлияние вином Янусу, Юпитеру и Юноне. Янусу предложи пирог с таковыми словами: " Отец Янус, подавая этот пирог, каков подать тебе должно, усердно молю тебя, будь благ и милостив ко мне и к детям моим, к дому и к домочадцам моим ". С таковой же мольбой подносили лепешку и Юпитеру. Потом всевышним сформировывали возлияние жертвенным вином и лишь тогда закалывали в потерять честь Цереры " преджатвенную свинью " – существовал таковой особый ритуальный термин. Вырезав из свиньи внутренности, повторяли все жертвоприношения пирогом и лепешкой, произнося те же слова, что и ранее. Позже приносили Церере внутренности и винцо.

Не в такой мере ясности в том, что дотрагивается происхождения авторитетных Секулярных игр, устраивавшихся только один раз в столетье, сообразно случаю юбилея городка Рима. Возникновение Секулярных игр времяотвре-

мени связывают с Терентинскими забавами, проходившими в Теренте – доли Марсова поля. Сообразно совету пророческих книжек, оставленных старой Сивиллой, прорицательницей из Кум, Терентинские забавы были устроены впервые в 249 году по н. э., в разгар 1-й Пунической борьбы. В жертву всевышним подземного королевства Папе Диту (одно из прозвищ Плутона) и Прозерпине римляне принесли тогда темного быка и черную корову: в программу пиршеств вступали с тех времен в том же духе конные состязания в цирке.

Делая вывод сообразно данной части изучения, необходимо подметить, что культовая практика и греков, и римлян связана, раньше лишь, с принципиальной ролью земледелия в их жизни. Фактически хоть какой шаг сельскохозяйственных работ сопровождался тем либо другим ритуалом либо ритуалом. Ключевыми праздничками, связанными с умирающей и воскресающей природы в Греции были, непременно, Фесмофории и Элевсинские мистерии. Ритуальные деяния данных празднеств повторяли и воссоздавали деяния мифа о богинях Деметре и Персефоне, а в том же духе о Плуtone (Аиде). Почти все из данных праздничков не позволяли роли парней, как замечал М. Нильсон, это было соединено, сообразно его мнению, с тем, что культ этот был связан не лишь с натуральным плодородием, однако и с дамским. Еще М. Нильсон усматривал в данных праздничках вещество очищения и веры на ясное будущее, на освобождение от мучений, что в наиболее поздние периоды рождает другую мораль и мораль.

В римской ритуальной практике, связанной с умиранием и воскрешением, мы можем подметить отпечатки греческой религии. В частности это дотрагивается неких ритуалов: жертвоприношения (животные (в главном бык либо скотина), дары помоны, деталь урожая). Но, как считал Л. Винничук, у римлян вероисповедание более практична, желая календарь их в том же духе связан к местным культам и земледельческим работам. Почтение Церере, Прозерпине и Плутону носило в Риме наименее таинственный и чародейный характер, а в том же духе наклон был сделан конкретно на соревнованиях, за-

бавах и зрелищности, которую так обожали римляне.

1. 2 Священные сооружения и места поклонения божествам

Для служения и поклонения всевышним греки отводили священные места, в каком месте основывались храмы, в которых либо около которых воздвигались алтари и изображения богов. Веруя, что боги вездесущи и благодарящему непрерывно и всюду человек обязан существовать перед ними чист в словах и поступках, поблизости храмов и святилищ, и тем наиболее во время жертвоприношений и празднеств, особенно боялись какого-нибудь мерзкого, нечистого дела. Ежели кому-нибудь случилось непроизвольно и случайно переспать перед всевышними, он обязан был искупить собственный проступок очищением и жертвоприношением.

Такие местности, какие числились вособенности приятными всевышним сообразно собственным натуральным свойствам, непременно, в большей степени перед иными избирались для устройства святилищ; очевидно, что такие свойства местности не были, непременно, необходимы для освящения её культом: часто приходилось улаживать святилища и на остальных территориях, в индивидуальности в городах и селениях. В таком случае при выборе местности для святилища наслаждались тем, чтоб она не была недостойна божества. Почти все античные писатели рекомендуют выбирать для святилищ в большей степени места вознесенные и защищенные от соседних долей города, считали более пригодными для храмов и алтарей места вособенности видные и времяот времени навещаемые.

Местности, освященные культом, с целью предохранения их от каждого осквернения были отделяемы границей либо оградой от мест неосвященных. Таковой непорочный участок не мог делать для человеческих потребностей; в большинстве случаев он был засажен прекрасными деревьями. Обычно в священных участках находились храмы либо алтари. Время от времени людям совсем воспрещался доступ в священное место. В некоторые участки не

допускались даже те либо остальные животные.

Не считая данных заповедных участков были такие священные земли, которыми могли воспользоваться люди для земледелия, пастьбы скота и т. п. ; их аксессуар божеству выражалась в том, что получаемые с их средства шли в выгоду святилища и употреблялись на бедности культа, оглавление жрече-ского персонала. Были, вообще, и такие участки, какие посвящались все-вышним под условием сохраниться совсем необработанными; знаменитей-ший образчик этакого посвящения представляют земли, приуроченныек Де-метре и Персефоне поблизости Элевсина, они не могли подчиняться отделке. Даже воды были посвящаемы всевышним; этак, к примеру, в Аттике у свя-щенной пути из Афин в Элевсин были 2 узеньких, вроде рек, морских залива, какие были приуроченык втомжедухе Деметре и Кожуре, и никто несчитая элевсинских жрецов не имел права созидать в их рыбу.

Вследствие раненько развившегося у эллинов антропоморфического пред-ставления божеств почтение им было окружено обилием традиций, для кото-рых были нужны различные искусственные приспособления. Приписывая всевышним человеческие склонности и влечения, эллины пытались приобре-сти их размещение к себе либо предотвратить вызванный на себя нечестивы-ми поступками ярость способом разных богобоязненных действий, промеж которыми одно из первых мест занимало возникновение божествам жертв и подарков. Устроенные для данной цели жертвенники и алтари были принци-пиальной принадлежностью каждого места культа. Уже в Гомеровских по-эмах неоднократно упоминаются жертвенники. В древнейшие эпохи они устраи-вались самым ежедневным способом – из дров, какие сжигались совместно с жертвой. Во почтивсех местностях упоминаются жертвенники из золы, пред-ставлявшие собою, таковым образом, продукт самих жертвоприношений. Вообще, такие жертвенники видятся время от времени; алтари, какие пред-назначались для неизменного употребления, делались обычно из кремня и помимозтого были тесновато объединены с помещением культа, этак что бы-ли не переносные, а неподвижные(переносные жертвенники упоминаются

чрезвычайно время от времени). Выкройка и размер их была разна: обычно они были четырехугольные, однако нередко встречаются и цилиндрические; они украшались венками и гирляндами, часто иссекаемы были полностью из драгоценного мрамора с разными скульптурными украшениями сообразно вкусу ваятеля либо благодарячему значению культа этакого божества, которому хотькакой алтарь был приуроченк. Некие алтари достигали большой величины и представляли собою величавые творения архитектуры и статуи. Ставились они обычно не напрямик на земле, а на возвышении из нескольких ступеней, и помимозтого те, какие предназначались для сожжения жертв, устраивались под открытым небом для этакого, чтобы дым от сжигаемой жертвы мог вольно подыматься к небу; снутри храмов кремирование жертв никогда не производилось; здесь ставились лишь жертвенники для курения фимиама и столы для приносимых божествам подарков.

Вообщем разговаривая, храмы чуть ли были мыслимы без жертвенников, однако жертвенники без храмов встречались чрезвычайно часто: в личных домах и дворах, на акрополях, на базарах и улицах городка, в присутственных местах, на дорогах, полях, верхушках гор, в священных рощах. От неосвященного места жертвенники отделялись оградой, состоявшею либо из низенькой стенки либо просто из цепи либо веревки.

Время от времени один алтарь был посвящаем нескольким всевышним помирающей и воскресающей природы либо даже всем совместно. Алтари подземных божеств носили особое название #949; #963; #967; #945; #961; #945; #953;, они были ниже алтарей богов, ставились напрямик на земле и имели отверстия для стока крови жертвенных животных в землю. Видятся втомжедухе особенные " жертвенные ямы ", служившие для жертвоприношений подземным божествам либо героям.

Эллинистический церковь традиционно представлял собою четырехсторонник, длина которого была примерно вдвое более ширины(круглые храмы в Греции были чрезвычайно редки). Достаточно плоская двускатная крыша образовала впереди и сзаду трилинейный фронтоны, поле которого покрывалось

обычно разными скульптурными украшениями, сюжеты которых относились либо к божеству, в потерять честь которого был воздвигнут церковь, либо к деяниям народа, его воздвигнувшего.

Храмы, предназначавшиеся для укрытых культов(мистерий), обязаны были обладать важные габариты для этакого, чтобы во время торжественных собраний заключать в себе всех посвященных. Этак, в элевсинском храме Деметры и Кожуры предназначенное для посвященных место могло поместить в себе столько созерцателей, как хотькакой театр, и произведенные вслед за тем раскопки подтвердили это. Но и в числе храмов, не специализированных для скрытых культов, было много таких, какие отличались очень обширными размерами и недостигаемую вышиною художественной композиции.

Почаще только хоть какой церковь принадлежал одному лишь божеству; однако много было и таковых храмов, какие были приуроченык нескольким божествам совместно. Эти общие храмы посвящались не лишь таким божествам, какие почитались не поотдельности, а группами, – как Музы, Эвмениды, Диоскуры, – однако и иным, тесно связанным промеж собою, самым броским макетом здесь служат храмы, приуроченныек Деметре с Кожурой как мамы с дочерью. Все священные места были неприкосновенны, этак как все эллины считали сложным грехопадением обида божества средством отнятия либо нарушения целостности этакого, что придумывало его собственность либо было вверено его заступничеству и охране. Сиим разъясняется и вышеупомянутый факт, что страны и личные личика отдавали на сохранение в храмы свои средства и драгоценности, будучи убеждены, что вслед за тем они будут в большей сохранности. На том же основании все личика, прибегавшие к храму, алтарю либо статуе божества с мольбой о поддержке и охране числились неприкосновенными сообразно последней мерке этак, что мощью отсечь их оттуда числилось богохульством. Святилищ, пользовавшихся признанным правом укрытия много было в Элладе и, в индивидуальности в Маленькой Азии во эпохи римских правителей, этак что в царствование Тиберия римским сенатом были даже принимаемы меры к убавлению их числа.

Святилища, не принадлежавшие к числу таковых привилегированных убежищ, далеко не непрерывно были полностью надежной охраной для верующих. Часто, в индивидуальности во время усобиц и борьбы партий, какие этак нередко мучили греческие страны, поклонение к святилищам забывалось, и упрашивающие о охране времяотвремени были неописуемо и оскорбительно отрываемы от самых алтарей богов.

Церковь – это, раньше лишь чародейный центр; церковь и, в частности, жертвенник отождествляется с вселенской горой, помещением пересечения 2-ух миров – человеческого и священного. Более броским в этом отношении строительным эмблемой являются храмы, какие находились на возвышениях. Так как сначала места функция культа связывались с рельефами, сочетавшими бугор, древо, воду и гранит, конструкция храма в разных традициях представляет маленький синтез 4 частей: алтарь – некоторое возвышение, скульптура божества, рельефы на стенках, колонны.

В Греции было много мест, в каком месте управлялись такие чудесные ритуалы, однако ни одно из их не могло соревноваться в этом отношении с Элевсином. Элевсинские таинства имели доахейское возникновение и сначала представляли собой, по-видимому, осенний праздничек пахоты и сева. Миф заявлял о том, что Деметра одарила народ Аттики за доброту, проявленную им во время ее скитаний, и основала в Элевсине своё основное святилище, которое в греческой летописи не один раз разрушалось и восстанавливалось. При Солоне, Писистрате и Перикле праздничек Деметры в Элевсине был принят и Афинами, став наиболее сложным и пышноватым. Во время малеханьких таинств, совершавшихся весной около Афин, претенденты на прибавление проходили предварительное вылушение, погружаясь в воды Иллыса. В сентябре эти претенденты и другие совершали праздничное, однако счастливое паломничество, направляясь сообразно протянувшейся на 20 2 километра священной дороге в Элевсин; во голове шествия несли изваяние хтонического божества Иакха. При свете факелов процессия вступала в Элевсин и празднично помещала изваяние Иакха в церковь; день завершался

священными танцами и песнями.

Большие мистерии длились еще 4 дня. Те, что очистились омовением и постом, допускались в данный момент к второстепенным ритуалам; те, что прошли эти ритуалы годом ранее, вводились в Зал посвящения, в каком месте совершались сокрытые церемонии. Мисты, либо посвященные, прерывали пост, присоединяясь к непорочному причастию в память о Деметре: они пили священную смесь пытки и воды и ели священные лепёшки. Достоверно не светло, какой-никакой ритуал следовал позднее, этак как мистерии были сокрытыми. Но В. Дюрант подразумевает, что данная церемония представляла собой символическую драму и сыграла популярную роль в рождении дионисийского театра. Очень может быть, что ее тему придумывало похищение Плутоном Персефоны, истязующие странствования Деметры, возвращение девы на землю и талант Аттике земледельческого художества. Кульминацией церемонии становился чародейный супружество жреца, представлявшего Зевса, с жрицей, являвшейся воплощением Деметры. Данная символическая бракосочетание приносила свои дары помоны с чарующею быстротой, потому что скоро торжественно возглашали: " Наша госпожа родила священного младенца "; на повальное ликбез выставлялся засыпанный зерновой колос, символизировавший плод родовых пыток Деметры – великодушные дары полей. Опосля этого при тусклом свете факелов соучастников вводили в темные подземелья, символизирующие Аид, а позднее в потушенный светом высокий покой, являвшийся, по-видимому, обителью счастливых; здесь в праздничном упоении им демонстрировали сакральные предметы, раньше остававшиеся скрытыми. Почти все спецы сходятся на мировоззрении, что в собственном религиозном восторге они переживали соединение с всевышним, осознавая нерасторжимое целостность бога и души; они возвышались над мороком особенности и спрашивали счастье растворения в божестве. На протяжении долгого времени основным местом поклонения и почитания Деметры, Персефоны и Плутона оставался Элевсин. В античности это был 3-ий сообразно величине, опосля Афин и Пирея, град Аттики, однако прослав-

ленным и известным во всей Греции его сделали в первую очередь Элевсинские мистерии и практиковавшийся здесь культ Деметры и Персефоны. Сообразно ежедневным представлениям, узнаваемый Тесей, который сплотил кругом Афин всю Аттику, сразил втомжедуже и Элевсин. Но в 7 в. по н. э. град хранил самостоятельность и имел личных правителей. Плодородие земли и состояние(на дороге, связывающей Афины с Пелопоннесом), а втомжедуже культовое смысл превратили Элевсин в цитадель афинского могущества. Тут родился 1-ый из больших греческих трагиков, Эсхил(525 по н. э.).

Старая деяния Элевсина прочно связана с мифологией и истоком мистерий. Властелин подземного сеточка Аид похитил Персефону, дочь большой богини Деметры, и унес её к себе. Охваченная скорбью и неистовством, Деметра покинула Олимп и отправилась путешествовать сообразно земле в розысках Персефоны. В виде старушенции она появилась в Элевсин, в каком месте её принял вожак Келей. В признательность за оказанное радушие богиня научила обитателей Элевсина художеству земледелия и организовала священные мистерии, сулившие тем, кто в их участвовал, блаженство в дольний жизни и счастье в потустороннем мире. Богослужение, справлявшееся 2 раза в год, весной и осенью, благодарячему на Небольших и Больших мистериях, в базе своей было ритуалом плодородия.

Мистерии восходят к глубочайшей древности, бытьможет, они возникли ещё по прихода греческих племен на рубеже iii-ii 1000-летий по н. э. Доступ к культу для посторонних раскрылся опосля этакого, как святилище перешло в руки афинян, и чрез их к мистериям приобщились все другие греки. В период римского господства мистерии продолжали почитаться во всем древнем мире.

Некие ритуалы совершались в Афинах, в том храме Элевсинии, однако конечное прибавление могло проистекать лишь в самом Элевсине на Больших мистериях, происходивших в сентябре. Сообразно Священной дороге из Афин в Элевсин отправлялась праздничная процессия. За цельный день

предстояло справиться 22 км, так что для совершения предписанных обычаев у святилищ, располагавшихся вдоль Священной пути, времени было довольно. Кульминация праздника имела пространство в две ночи, следовавшие за прибытием в Элевсин. Заветный значение этого ритуала совершенно утрачен вследствие окутывавшей мистерии секреты. На основании сумрачных указаний, встречающихся у стареньких создателей, мы знаем только, что наиболее священные церемонии происходили в Телестерии, Зале посвящений.

Верховными служителями культа (ими являлись иерофант – "первосвященник", иерокерюкс – "непорочный предвестник", даидух – "факелоносец" и мистагог – "главарь посвящаемых") были представители стареньких элевсинских семейств, на какие было возложено интерес о святилище.

Ввод в святилище, которое с севера, юга и востока было обнесено сильной замковой стеной, сочинявшей деталь элевсинских городских стенок, располагался на северо-востоке, вслед за тем, в каком месте Священная тропа из Афин переходила в широкую площадь, вымощенную, как и хозяйка дорога, мраморными плитами. Перед входом возвышался небольшой храм Артемиды Привратницы и Отца Посейдона, с одним алтарем, обращенным к входу, и ещё одним алтарем с северной стороны. Сзади располагался 3-ий жертвенник, представлявший собой ущелье для жаровни с продухами сообразно бокам. Сообразно обе стороны от входа, на некоем расстоянии от него, возвышались мраморные триумфальные арки, увенчанные безбедной резьбой сообразно кремню.

Торжественным входом в святилище служили Огромные пропилеи, принципиальная мраморная колоннада, возведенная во 2 в. н. э. в копирование Пропилям афинского Акрополя, построенным в 437–432 по н. э. Здание было поднято над площадью на 5 ступеней, сообразно фасаду оно имело 6 колонн дорического ордена. Обычный просвет промеж колоннами был попросторнее остальных, здесь и пролегал главный проход, сообразно обеим граням которого стояли сообразно 3 внутренних ионических колонны. В поперечной сте-

не внутри Пропилей было 5 пролетов для двустворчатых дверей. Врожденный фасад колоннады, в том же духе имевший 6 дорических колонн, был обращен к святилищу.

Все эти строения при входе были возведены в римский период. За пределами стенок святилища, левее Пропилей и вблизи с ними, найден памятник наиболее ранешней эпохи, колодец Каллихор(" Красивых хороводов "), игравший главную роль в элевсинских ритуалах. Конкретно у него, ведает миф, присела передохнуть Деметра, утомленная бесплодными поисками дочери, и здесь с ней встретились пришедшие сообразно воду дочери элевсинского короля Келея. Сохранились старая каменная укладка колодца, который окружен каменным парапетом; примыкающая платформа вымощена плитами. Это здание датируется 6 в. по н. э. , эрой Писистрата, перестроившего и расширившего все святилище. Вообще, высказывается гипотеза, что сначала колодец располагался внутри сегодняшнего священного участка(здесь даже отысканы останки очень старого колодца), однако, потому что вследствие перестроек воспользоваться им стало неосуществимо, Писистрат откопал и благоустроил новейший колодец.

Под крупными Пропилеями выявлены останки более ранешних ворот. Мощные крепостные стенки северо-западнее Пропилей относятся ко времени Писистрата. За Пропилеями, приблизительно в 20 м южнее, выявлены небольшие внутренние Пропилеи, в том же духе из мрамора – дар римского попечителя Аппия хромая Пульхра, друга Цицерона. Это обыденное здание, сооруженное ок. 50 по н. э. , было празднично украшено, перекрытия опирались на колоссальные человеческие фигуры.

К западу от портика под нависающей горой элевсинского Акрополя – трилинейный непорочный участок с пещерой Плутона, которая числилась в древности входом в подземное королевство. Через эту расщелину Аид(он же Плутон), властелин мертвых, похитил Персефону. Дальше на юг найдена целая система стенок, построенных в главном из сырцового кирпича, на каменном цоколе. Их пересекает датируемая эрой Писистрата стенка, находящаяся во-

круг непорочный участок. За пределами данной стены отыскано обыденное сооружение, имеющее 3 ряда каменных столбов, на какие опиралась плоская крыша. Это житница, в которой хранились 1-ые дары помоны ежегодного урожая, пожертвованные всевышним обитателями Аттики и их союзниками. Приблизительно в центре священного участка находятся величавые развалины храма Деметры, величавшегося Телестерием. Разрешено изучить его историю на протяжении нескольких шагов строительства – с 13 в. по н. э. и по конца античности. Практически все это время, ок. 17 веков, главные черты проекта оставались одними и теми же – прямоугольный зал с перекрытиями на внутренних опорах, в который попадали с поднятой площадки перед входом. Сообразно наружному периметру зал был обнесен стеной.

Желая останки самого ранешнего, микенского периода (1400–1100 по н. э.) очень скудны, они все же разрешают чинить сан строения. Это был прямоугольный зал, приблизительно 9 м в длину и 6 м в ширину, с некотороколичеством выступающими вперед боковыми стенками. Снутри зала сохранились каменные ступени, окаймлявшие возвышенность, на котором, можетбыть, располагался жертвенник богини. Выявлены останки каменной стенки, окружавшей прямоугольный двор. Сооружение было уничтожено, по-видимому, в период потрясений, вызванных вторжением дорийцев на рубеже ii-i 1000-летий по н. э. Потом, возле 900 по н. э., был возведен 2-ой храм, в плане которого приметно существенное несоответствие с былым и с позднейшими конструкциями. Как разрешено отыскать сообразно чрезвычайно немногочисленным останкам, здание этого периода было круглым в плане либо же имело апсиду, а окружавший его двор имел неправильную форму. Опосля такового как приблизительно в 650-600 гг. по н. э., можетбыть во эры Солона, промеж Афинами и Элевсином был совсем установлен альянс, это второе сооружение храма было снесено, и на его месте возвели новое, ещё наиболее просторное. Стенки этого строения и обломки внутренних опор разрешено подметить посреди развалин следующих эпох. Оно было прямоугольным в плане и схожим на Телестерий v в. по н. э., однако существенно

уступало крайнему в размерах. Предшествующий двор, всееще некоторое количество неверной формы, расширился вперед и сообразно бокам строения храма.

Возле середины VI в. по н. э., в правление Писистрата, был сотворен новый Телестерий, имеющий наиболее важные габариты, площадь же священного участка возросла тогда более чем вдвое. Это сооружение было квадратным в плане, длина всякой стороны ок. 27 м. Крыша строения опиралась на 25 внутренних колонн, выстроенных в 5 линий, а вдоль стенок для удобства посвящаемых возведен разряд ступеней. Перед входом в церковь возвели портик, имевший 12 колонн. Это сооружение, как и крепостная стенка и другие строения на местности святилища, подверглись значимым разрушениям во время персидского нашествия в 480–479 гг. по н. э.

Новейший, снова значительно увеличившийся в размерах Телестерий был сооружен в эру Перикла, чуток позднее середины V в. по н. э. Сооружение спроектировал Иктин, творец Парфенона, однако в строительстве воспринимали роль и остальные архитекторы – Кориб, Метаген и Ксенокл. В целом была застроена площадь наиболее 2700 кв. м. Крыша этого строения поддерживалась шестью рядами колонн, сообразно 7 колонн в каждом. В следствии эакого, что склон горы препятствовал такому расширению, северо-западная половинка храма частично врезана в гору, в то время как иная его половинка лежит на высочайшей подушечке, а глубочайшие фундаменты попадают через нее и доходят по скального основания. Сообразно всем четырем граням сооружено 8 ступеней для созерцателей(количество посвящаемых доходило по 3000 человек), в которых прорублено 6 проходов – 2 впереди и сообразно 2 с боков. Предполагается, что на галерею(вроде хоров), окружавшую внутреннюю деталь строения, разрешено было угодить сзади, с наиболее высоко-го уровня. Запроектированный большой портик(птерон)с далековато выдающимися крыльями этак никогда и не был окончен, однако сооруженное для него мощное основание изготовляет впечатляющее прошедшее.

Уже во эры говоруна Ликурга, возле 330 года по н. э., перед зданием эпохи

Перикла был возведен портик, называемый портиком Филона. Имея такую же глубину, как портик Иктина, однако наименьшую ширину, он придал всему зданию тот разряд, который оно оберегало на всем протяжении античности. Святой участок был тогда же опять расширен, его стенки перестроили, привсемэтом в их появились круглые вышки, являющие собой один из наилучших образчиков фортификационной архитектуры времен античности. В следующие эпохи добавлялись новейшие строения. Вдоль южной стенки священного участка было возведено сооружение совета, на возвышении к северу от Телестерия выстроили небольшой храм, наведенный к югу. Тропа, проходившая чрез ворота в южной стене, правила к гавани. У ворот, уже за пределами священного участка, имеется малюсенькое здание – устарелое святилище, может быть, предназначавшееся для поклонения какому-то местному герою.

В ходе раскопок, какие, начиная с 1882 года, ведет в Элевсине Греческое археологическое сообщество, отыскано очень много предметов, связанных с культом богини Деметры, деталь их помещена в здешний музей. Посреди мраморных скульптур выделяются бесчисленные рельефы, изображающие цель Триптолема, молодого элевсинского богатыря, отпрыска Келея. Деметра открыла ему художество земледелия, вручила зерна пшеницы и подарила запряженную крылатыми драконами золотую колесницу. На ней Триптолем объехал землю и распространил земледелие среди всех народов. Более известное произведение элевсинской скульптуры (в данный момент в Государственном музее в Афинах) – мраморный рельеф, изображающий Деметру в момент передачи Триптолему колосьев пшеницы, привсемэтом участвует в этом и Персефона. В местном элевсинском музее выставлены бесчисленные применявшиеся в мистериях культовые сосуды. Более соответственный конкретно для Элевсина сосуд, так именуемый "керн", состоит из терракотовой стойки с прикрепленными к ней бесчисленными малеханькими чашечками, в каждую из которых клали особенное подаренье богине. Эти сосуды, какие обретают и в остальных святилищах Деметры, несли соучастники священной

процессии.

Вазы и мраморные рельефы, обнаруженные в ходе раскопок(на почти всех из них изображены соучастники различных богослужений), подсобляют в возобновлении внешней стороны Элевсинских мистерий, однако о внутреннем их содержании разрешено лишь додумываться, потому что обет безмолвия, которым связывали себя приуроченные, хранился чрезвычайно строго.

Деметра воспользовалась, как мы успели узреть, большущей репутациею, её культ был распространен позднее и в Северном Причерноморье, в каком месте часто встречаемым помещением поклонения были склепы. Одним из ярчайших образчиков является Склеп Деметры в Пантикапее(инноваторская Керчь). Склепы были местами захоронения жриц Элевсинского культа и завлекали к себе интерес, как высших слоев, так и обывателей, какие приносили туда жертвы, элементарно посещали их, чтоб обнаружить поклонение.

Культ Цереры в Риме не был так разветвлен, и римляне не посвящали данной богине каких-то важных сооружений. К тому же, почитание её проходило в главном в форме игр либо театральных представлений, а означает, местами почитания разрешено полагать форумы и амфитеатры. Церее проходили в главном в сельской местности в облике шествий, плясок и костюмированных представлений. Церере могли предопределять лишь отдельные алтари либо жертвенные места.

Еще разрешено полагать священными местами Цереры поля и сады, урожайность которых и зависела от почитания предоставленной богини. Некие ритуалы, как и в Греции, проводились напрямик на полях и представляли собой жертвоприношения либо возлияния Церере, чтоб умилоствовать её.

Единым макетом может делать так называемый Церковь Цереры в Пестуме. Ежели произносить о его наружном облике, то он схож сообразно главным чертам с храмами Деметры. В нем преобладает пространственность размера, мощная же верхняя деталь храма, поддерживаемая колоннадой, является подчиненной. Соответствие места и массы в этом святилище основывается в пределах одной большой формы сообразно вертикали, привсемэтом в данных

образчиках толпа композиционно доминирует над помещением.

Прозерпина, слившись с Либерой, в том же духе не имела особенных строй сооружений, так как не почиталась везде где только можно и не являлась особым божеством, таковым как? К примеру? Афродита для римлян. Её могли уважать лишь на отдельных алтарях, какие в данный момент трудноуловимы археологическими раскопками, почти все из них пропали. Ещё Прозерпине посвящались отдельные священные места: рощи, сады и даже отдельные поляны.

Диспатера, как и Плутона, не уважали отдельно от остальных божеств помирающей и воскресающей природы, не посвящая им в том же духе отдельных храмов. К тому же, как уже упоминалось, почтение подземным божествам различалось от поклонения земным. Жертвы им приносились через трещины в земле, через пещеры, какие и числились священными местами данных божеств.

Таковым образом, священные места, посвящаемые божествам помирающей и воскресающей природы разны. Существовали жертвенники, алтари, храмы, склепы, а время от времени элементарно священные места, какие нужно было навещать всем тем, что исповедовал этот культ. Некие священные места были доступными, остальные же – разрешенными лишь для определенной категории народонаселения: традиционно это жрецы культа и приуроченные.

Деметре посвящались в главном храмы и алтари, так как обитала она на Олимпе. Храмы богини плодородия, как и вообще греческие храмы, были обычной формы и содержания. Сами богослужения происходили перед храмом, а внутрь допускались лишь жрицы, какие вносили туда дары и фактически поклонялись статуе богини. Ещё с именованием Деметры соединено посещение таковых священных мест, как: реченька, в которой омывались приуроченные, когда руководились в Элевсин; трижды вспаханное поле, на котором сообразно преданию Деметра соединилась с Иасионом и остальные места, связанные с культом богини плодородия.

Аиду и Персефоне посвящались в том же духе храмы и алтари, однако они в

большинстве собственном являлись общими с Деметрой. Почитание же фактически подземных супругов проходило мало по другому, этак как обитали они в недрах земли. Им посвящались жертвенники, какие находились на таких местах, в каком месте обязательно должны были существовать трещины в земле либо расщелины, чтоб боги получили свои жертвы.

С культом и мистериями соединено в том же духе почитание жриц этого таинства, в их потерять честь основывались склепы, в каком месте их не лишь хоронили, однако и навещали их вровень с храмами самих божеств.

Сопоставляя божеств помирающей и воскресающей природы греков и римлян в нюансе их священных мест, мы можем завершить, что поклонение всевышним подземным: Аиду и Персефоне и Диспатеру и Прозерпине – носило похожий характер, этак как строй сооружений им не посвящали, почитая их только через ритуальные пещеры и расщелины в земле.

Почитание же Деметры и Цереры существенно различается, этак как 1-ая имела разряд храмов, а в том же духе алтарных сооружений, священных рощ, садов и полей. 2-ая же удостоилась только 1-го храма в Пестуме, привсемэтом девайс его конкретно Церере ещё ставится под вопрос. Богине плодородия в Риме приурочены были отдельные алтари и священные места, находившиеся в главном в сельской местности, этак богиня данная была "земледельческой". Для игр и театральных представлений в её потерять честь не устраивались особенные сооружения, а проводились они в амфитеатрах и на форумах.

Подводя результаты сообразно предоставленной доли исследования, нужно подметить, что культовая практика и греков, и римлян связана, раньше лишь, с главным значением земледелия в их жизни. Фактически хотькакой шаг сельскохозяйственных работ сопровождался тем либо другим ритуалом либо ритуалом. Ключевыми праздничками, связанными с помирающей и воскресающей природы в Греции были, непременно, Фесмофории и Элевсинские мистерии. Ритуальные деяния данных празднеств повторяли и воссоздавали деяния мифа о богинях Деметре и Персефоне, а в том же духе о Плутоне (Аи-

де). Почти все из данных праздничков не позволяли роли парней, как замечал М. Нильсон, это было соединено, согласно его мнению, с тем, что культ этот был связан не только с натуральным плодородием, однако и с дамским. Еще М. Нильсон усматривал в данных праздничках вещь очищения и веры на ясное будущее, на освобождение от мучений, что в наиболее поздние периоды рождает другую мораль и мораль.

Что же дотрагивается священных мест, в каком месте почитались божества помирающей и воскресающей природы, то нужно подметить их большее достоинство. Существовали жертвенники, алтари, храмы, склепы, а времяот-времени элементарно священные места, какие нужно было навещать всем тем, что исповедовал этот культ. Некие священные места были доступными, остальные же – разрешенными только для определенной категории народонаселения: традиционно это жрецы культа и приуроченные.

Деметре посвящались в главном храмы и алтари, так как обитала она на Олимпе. Храмы богини плодородия, как и вообще греческие храмы, были обычной формы и содержания. Сами богослужения происходили перед храмом, а внутрь допускались только жрицы, какие вносили туда дары и фактически поклонялись статуе богини. Еще с именованием Деметры соединено посещение таких священных мест, как: реченька, в которой омывались приуроченные, когда руководились в Элевсин; трижды вспаханное поле, на котором согласно преданию Деметра соединилась с Иасионом и остальные места, связанные с культом богини плодородия.

Аиду и Персефоне посвящались в том же духе храмы и алтари, однако они в большинстве собственном являлись общими с Деметрой. Почитание же безукоризненно подземных супругов проходило мало по другому, так как обитали они в недрах земли. Им посвящались жертвенники, какие находились на таких местах, в каком месте обязательно должны были существовать трещины в земле либо расщелины, чтоб боги получили свои жертвы.

С культом и мистериями соединено в том же духе почитание жриц этого таинства, в их потерять честь основывались склепы, в каком месте их не только хо-

ронили, однако и навещали их вровень с храмами самих божеств.

Сопоставляя божеств умирающей и воскресающей природы греков и римлян в нюансе их священных мест, мы можем завершить, что поклонение всевышним подземным: Аиду и Персефоне и Диспатеру и Прозерпине – носило похожий характер, этак как строй сооружений им не посвящали, почитая их только через ритуальные пещеры и расщелины в земле.

Почитание же Деметры и Цереры существенно различается, этак как 1-ая имела разряд храмов, а в том же духе алтарных сооружений, священных рощ, садов и полей. 2-ая же удостоилась только 1-го храма в Пестуме, при всем этом девайс его конкретно Церере ещё ставится под вопрос. Богине плодородия в Риме приурочены были отдельные алтари и священные места, находившиеся в основном в сельской местности, этак богиня данная была "земледельческой". Для игр и театральных представлений в её честь не устраивались особенные сооружения, а проводились они в амфитеатрах и на форумах.

Заключение

Итак, относительный анализ представлений стареньких греков и римлян о священном и естественном дозволил нам датъ понять специфику взаимовлияний греческой и римской религий.

В итоге исследования нам вышло постановить установленные задачи, мы сопоставили наружный разряд и среду обитания божеств умирающей и воскресающей природы в греческой и римской традиции, сравнили функции Деметры, Персефоны и Аида в мифологии Старой Греции и функции Цереры, Прозерпины и Диспатера в мифологии Старого Рима, отдали атрибутно-символическую характеристику греческим и римским божествам умирающей и воскресающей природы. Ещё нам вышло найти схожести и различия

ритуально-обрядовой практики в древнегреческой и древнеримской традициях и сопоставить типы священных сооружений, а в том же духе места поклонения изучаемым божествам.

Что касается первой задачки, то мы пришли к выводу о том, что изображения божеств в римском и греческом представлении очень схожи, как идентичны и сами представления о данных божествах. Наиболее явное отличие имеет место быть, пожалуй, в том, что греческие представления наиболее разнородны и одаряют божеств обилием функций и эпитетов, тогда как римляне наиболее консервативно подходят к вопросам религии, их представления наиболее однообразны. Соединено это, как мы уже упоминала, в догон за А. Г. Петискусом, с тем, что римляне жили на однообразной сообразно природе и занятиям местности, тогда как греки находились под воздействием различных натуральных событий, от чего зависела и их разветвленная религиозная система.

Местами обитания божеств Деметры, Персефоны и Аида были следующие: Деметра обитала, как и положено, сообразно представлениям греков, богине, в небе на Олимпе, исключая время розыска дочери, когда она жила в виде смертной дамы среди людей на земле; обиталищем Аида было подземное королевство, в каком месте он властвовал со собственной женой. Персефона же, сообразно строчкам из Гомеровых гимнов:

" ... тоже решил он, что дочери его в годовом обороте времени треть предначертано гнездовать во темноте преисподней, две же трети существовать при мамы и при нескончаемых, - так он рек "

Римляне всех собственных богов разделяли на " темных " и " ясных ": боги подземного сеточка величались " темными " и противопоставлялись " светлым " небесным всевышним. Еще как и греческие, римские подземные божества проживали в пучине, желая Прозерпина и не являлась властительницей королевства мертвых, она обитала на земле. Церера же, как и Деметра " проживала " на небе.

Проведя относительный анализ многофункционального наполнения божеств греков и римлян, мы можем указывать желание о том, что промеж ними более сходства, нежели различия. И Деметра, и Церера были богинями верховными, носили чрезвычайно принципиальные функции для земледельческих сообществ – плодородие и урожайность полей и садов. Но, нежели Церера почиталась лишь в апреле и была только богиней плодородия, то Деметра носила ещё и функцию устроительницы домашнего родника и умных гражданских законов, а означает назначение её было попросторнее и уважали её на протяжении только года.

Кора(Персефона)была слету богиней подземного королевства, то имеется подсобляла погибшим, и исполняла функцию умирания и воскрешения природы. Прозерпина же у римлян, хоть и была копией Персефоны, однако все же не прижилась в римском сознании, слившись с Либерой. Функцию богини подземного королевства у римлян она вообще не выполняла.

Что же дотрагивается Аида(Плутона, Диспатера), то в Греции он носил функции неявного властителя сетка погибших, господ плодородия, отседова его название Плутон, а втомжедухе совместно с Персефой они представляли брачную пару, то имеется в этом виде выразились представления о семье. Диспатер был только властителем сеточка погибших, желая его функции здесь были попросторнее, чем у Аида, этак как души погибших в римской мифологии перерождались в духов, какие сберегали живых.

Миф о Деметре и Персефоне является одним из немногих легенд, в каком месте солнечную четкость греческого гения превзошла сумрачная деталь смерти. Потому, выводя этот миф из самых что ни на имеется ежедневных натуральных действий(из неявного осеннего увядания и бодрости весенней зелени), никогда, вообще, не утрачивающих силу собственного деяния на человека, мы никаким образом не преуменьшаем его смысла.

В отличие от функций, символика божеств у греков и римлян чрезвычайно схожа, однако совместно с тем очень трудна и многолика. Все 3 божества, осматриваемые нами, имеют оченьного ярчайших атрибутов и ипостасей.

Остается лишь удивляться, как сами античные не запутывались в заглавиях и знаках собственных покровителей.

Делая вывод о ритуальных и обрядовых традициях, мы подкрепляем мысль о том, что культовая практика и греков, и римлян связана, раньше лишь, с большим ролью земледелия в их жизни. Те либо другие празднования соединены, доэтого только, с сельскохозяйственным календарем. Фактически хотькакой шаг возделывания злаков, овощей и плодов сопровождался тем либо другим ритуалом либо ритуалом. Ключевыми праздничками, связанными с представлениями об умирающей и воскресающей природе, в Греции были, непременно, Фесмофории и Элевсинские мистерии. Ритуальные деяния данных празднеств повторяли и воссоздавали деяния мифа о богинях Деметре и Персефоне, а в том же духе о Плутоне (Аиде). Почти все из данных праздничков не позволяли роли парней, как отмечает М. Нильсон, это было соединено, согласно его мнению, с тем, что культ этот был связан не лишь с натуральным плодородием, однако и с дамским. Еще М. Нильсон усматривает в данных праздничках вещество очищения и веры на ясное будущее, на освобождение от мучений, что в наиболее поздние периоды рождает другую мораль и мораль.

В римской ритуальной практике, связанной с умиранием и воскрешением, мы можем подметить отпечатки и греческой религии, однако, как считает Л. Винничук, у римлян вероисповедание более практична, желая календарь их в том же духе привязан к местным культам и земледельческим работам. Почтение Церере, Прозерпине и Плутону носило в Риме наименее таинственный и чародейный характер, а в том же духе наклон был сделан конкретно на соревнованиях, забавах и зрелищности, которую этак обожали римляне.

Священные места, посвящаемые божествам, отличались разнообразием, как согласно наружному виду, этак и согласно назначению. Существовали жертвенники, алтари, храмы, склепы, а времяот времени элементарно священные места, какие нужно было навещать всем тем, что исповедовал этот культ. Некие священные места были доступными, остальные же – разрешен-

ными лишь для определенной категории народонаселения: традиционно это жрецы культа и приуроченные.

Деметре посвящались в главном храмы и алтари, так как обитала она на Олимпе. Храмы богини плодородия, как и вообще греческие храмы, были обычной формы и содержания. Сами богослужения происходили перед храмом, а внутрь допускались лишь жрицы, какие вносили туда дары и фактически поклонялись статуе богини. Еще с именованием Деметры соединено посещение таковых священных мест, как: реченька, в которой омывались приуроченные, когда руководились в Элевсин; трижды вспаханное поле, на котором согласно преданию Деметра соединилась с Иасионом и остальные места, связанные с культом богини плодородия.

Аиду и Персефоне посвящались в том же духе храмы и алтари, однако они в большинстве собственном являлись общими с Деметрой. Почитание же безукоризненно подземных супругов проходило мало по другому, так как обитали они в недрах земли. Им посвящались жертвенники, какие находились на таковых местах, в каком месте обязательно должны были существовать трещины в земле либо расщелины, чтоб боги получили свои жертвы.

С культом и мистериями соединено в том же духе почитание жриц этого таинства, в их потерять честь основывались склепы, в каком месте их не лишь хоронили, однако и навещали их вровень с храмами самих божеств.

Относительный анализ божеств греков и римлян в нюансе их священных мест позволяет окончить, что почтение всевышним подземным: Аиду и Персефоне и Диспатеру и Прозерпине – носило похожий характер, так как строй сооружений им не посвящали, почитая их только через ритуальные пещеры и расщелины в земле.

Почитание же Деметры и Цереры существенно различается, так как 1-ая имела разряд храмов, а в том же духе алтарных сооружений, священных рощ, садов и полей. 2-ая же удостоилась только 1-го храма в Пестуме, при всем этом девайс его конкретно Церере ещё ставится под вопрос. Богине плодородия в Риме приурочены были отдельные алтари и священные места, нахо-

дившиеся в главном в сельской местности, этак богиня данная была " земледельческой ". Для игр и театральных представлений в её потерять честь не устраивались особенные сооружения, а проводились они в амфитеатрах и на форумах.

Таковым образом, римская вероисповедание, неглядя на последовательность, различалась большей практичностью и сходством, даже консерватизмом. Тогда как греческие верующие представления не застывали на месте, эволюционировали, потому почтивсе культы, в частности и почитание помирающей и воскресающей природы, позднее переродились в совсем остальные формы. Нужно втомжедухе подметить, что в процессе изучения мы узрели, что полезность римлян и их политическое приспособление очень воздействовало на характер их верований. Они были наиболее поверхностными и наименее волшебными, в различие от греческих.

Источники и литература

і. Источники

1. Аполлдор. Мифологическая библиотека/ Пер. В. Г. Боруховича. – М. : Мысль, 1993. – 598 с.
2. Аполлоний Родосский. Аргонавтика/ Пер. Н. А. Чистяковой. – М. -Л. : Художество, 1975. – 592 с.
3. Вергилий. Собр. соч. / Пер. С. Ошерова и С. Соловьева. – М. : ЛАБИРИНТ, 2001. – 288 с.
4. Геродот. Деяния в 9 книгах
5. Гесиод. Теогония/ Пер. В. В. Вересаева. – М. : ЛАБИРИНТ, 2001. – 254 с.
6. Гомер. Илиада и Одиссея/
7. Гомеровы гимны/ Пер. с древнегреч. Е. Рабинович. – М. : " Carte blanche ",

1995. – 232 с.

8. Ксенофонт. О заработках – заработках ресурсы] – Режим доступа: <http://www.Miriobiblion.Narod.Ru/xen/ksen.Htm>
9. Овидий Назон П. Метаморфозы/ Пер. С. В. Шервинского. – М. : Дисциплина, 1977. – 456 с.
10. Овидий Назон П. Собр. соч. / Пер. С. В. Шервинского. – СПб. : Художество, 1994. – 564 с.
11. Павсаний. Отображение Эллады/ Пер. С. П. Кондратьева. – СПб. : Художество, 1996. – 592 с.
12. Плутарх. О блаженство римлян/ Пер. Ф. А. Петровского. – [электронные ресурсы] – Режим доступа: http://www.Foxdesign.Ru/legend/book02_1a.Htm
13. Плутарх. Римские Вопросы/ Пер. Н. В. Брагинской - [электронные ресурсы] – Режим доступа: <http://ancientrome.Ru/antlitr/plutarch/moralia>
14. Плутарх. Ромул/ Пер. Ф. А. Петровского - [электронные ресурсы] – Режим доступа: http://www.Foxdesign.Ru/legend/book02_1a.Html
15. Плутарх. Сравнительные жизнеописания/ Плутарх; Пер. с древнегреч. Е. Савченко. – М. -СПб. : Эксмо; Мидгард, 2007. – 1504 с.
16. Тацит. Анналы/ Пер. И. М. Тронский. – Л. : Дисциплина, ленинградское деление, 1979. – 444 с.
17. Фукидид. Деяния - [электронные ресурсы] – Режим доступа: <http://www.Sno.Pro1.Ru/projects/pisistratides/auctores/thucid.Htm>

ii. Литература

18. Альтман М. С. Греческая мифология. – М. : ВЛАДОС, 1997. – 256 с.
19. Древний мир и археология: Межвузовский церковный датчик. Вып. 6. Трудности экономики, политики и культуры стареньких стран; Редкол. : В. Г. Борухович и др. – Саратов: Саратовский ВУЗ, 1986. – 147 с.

20. Антология источников сообразно летописи, культуре и религии Старой Греции: Учебное поддерживание; Под ред. В. И. Кузищина; Рец. : И. Л. Передовик, Е. В. Федорова. – СПб. : Алетейя, 2000. – 608 с.
21. Артеменко И. И. , Моця А. П. Боги сделаны людьми. – К. : Политиздат Украины, 1989. – 173 с.
22. Бабенко В. Г. Легенды и животные: небольшой мифологический словарь/ Бабенко В. Г. , Алексеев В. Н. . – М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2004. – 128 с.
23. Баумгартен Ф. Эллинская культура/ Баумгартен Ф. , Поланд Ф. . – М. - Минск: Харвест; АСТ, 2000. – 512 с.
24. Бауэр В. Энциклопедия знаков. – М. : Крон-Пресс, 1998. – 592 с.
25. Блаватский В. Д. Античная археология и деяния. – М. : Дисциплина, 1985. – 280 с.
26. Блаватский В. Д. Греческая статуя. – М. : Б. Г. С. -Пресс, 2008. – 287 с.
27. Боги и легенды Олимпа: энциклопедичный путеводитель сообразно мифологии стареньких греков и римлян. – М. : Современник, 2000. – 435 с.
28. Буслович Д. С. Боги и люди в творениях художества. – СПб: Паритет, 2003. – 381 с.
29. Винничук Л. Люди, характеры и обычаи Старой Греции и Рима. – М. : Дисциплина, 1988. – 457 с.
30. Гамильтон Э. Легенды и легенды = mythology: Боги и герои Старой Греции и Старого Рима/ Гамильтон Э. ; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : Центрполиграф, 2003. – 462 с.
31. Гердер И. Идеи к философии и летописи населенияземли. – М. : Дисциплина, 1977. – 603 с.
32. Гиро П. Быт и характеры стареньких греков. – Смоленск: Русич, 2002. – 624 с.
33. Гиро П. Быт и характеры стареньких римлян. – Смоленск: Русич, 2002. – 576 с.
34. Грант М. Золотая эпоха Греции. – Харьков: Неестественный клуб домашнего досуга, 2006. – 384 с.

35. Грейвс Р. Легенды Старой Греции. – М. : Образование, 1993. – 576 с.
36. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М. : Дисциплина, 1987. – 218 с.
37. Дониани А. Люди, идолы и боги: пер. с итал. И. И. Кравченко. – М. : Политиздат, 1962. – 320 с.
38. Старый Рим: деяния, быт, культура. – М. : Центрполиграф, 2006. – 225 с.
39. Дамы в легендах и легендах. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 415 с.
40. Зайцев А. И. Греческая вероисповедание и мифология: Курс лекций; Под ред. Л. Я. Жмудя. – М. -СПб: Академия; Филологический департамент СПбГУ, 2005. – 206 с.
41. Зелинский Ф. Ф. Старый мир и мы/ Зелинский Ф. Ф. . – СПб: Алетейя, 1997. – 250 с.
42. Зелинский Ф. Ф. Эллинская религию/ Зелинский Ф. Ф. . – Минск: Экономпресс, 2003. – 330 с.
43. Иллюстрированный мифологический словарь; М. Н. Зеленщик, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. – Изд. перераб. и доп. – Калининград: Медовый сказ, 2001. – 384 с.
44. Деяния и цивилизация старого сеточка. – М. : Дисциплина, 1977. – 248 с.
45. Камад И. Обрядовая сторона культов Старой Греции. – М. : ИОИ, 2006. – 205 с.
46. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. – СПб: Алетейя, 1998. – 586 с.
47. Клемен К. Жизнь мертвых в вероисповеданиях населенияземли. – М. : Инбрада, 2002. – 224 с.
48. Кондрашов А. П. Кто имеется кто: Боги и герои Старой Греции и Рима// Энциклопедичный словарь. – М. : Рипол Классик, 2002. – 345 с.
49. небольшой словарь мифологии и древностей; М. Корш. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – 207 с.
50. Круглов Е. А. Греческие боги в Старом Риме – [электронные ресурсы] – Режим доступа: [http:// www. Centant. Ru. Ru/ centrum/ publik/ kafsbor/ mnemon](http://www.Centant.Ru.Ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon)
51. Цивилизация Старого Рима. – СПб: Алетейя, 2001. – 695 с.
52. Куманецкий К. Деяния культуры Старой Греции и Рима/ Куманецкий К. .

- М. : Образование, 1990. – 235 с.
53. Кун Н. А. Легенды и легенды Старой Греции/ Кун Н. А. . – М. : АСТ: Олимп, 2003. – 539 с.
54. Легенды и сказания Старой Греции и Старого Рима; Сост. А. А. Нейхард. – М. : ДДККК ИСТИНА, 1990. – 576 с.
55. Лосев А. Ф. Античная мифология. – М. : Мысль, 1993. – 856 с.
56. Лосев А. Ф. наброски старенькой мифологии. – М. : Мысль, 1993. – 959 с.
57. Лосев А. Ф. , Тахо-Годи А. А. Боги и герои Старой Греции. – М. : Словечко, 2002. – 278 с.
58. Лосев А. Ф. , Тахо-Годи А. А. Греческая цивилизация в знаках и определениях. – СПб: Алетейя, 1999. – 720 с.
59. Лукач Й. Пути богов. М. : Политиздат, 1984. – 247 с.
60. Макаревич В. М. Легенды: Энциклопедия/ Макаревич В. М. . – М. : РОСМЭН-ИЗДАТ, 2001. – 128 с.
61. Макнамар Э. Этруски. Быт. Вероисповедание. Цивилизация. – М. : Центрполиграф, 2006. – 216 с.
62. Мелетинский Е. М. Пиитика мифа. – М. : Восточная беллетристика, 2000. – 407 с.
63. Менар Р. Легенды в художестве древнем и новом. – М. : Современник, 1993. – 271 с.
64. Мень А. Деяния религии. – М. : Мирос, 1994. – 183 с.
65. Мизун Ю. В. Секреты богов и религий/ Мизун Ю. В. , Мизун Ю. Г. . – М. : Вече, 1999. – 576 с.
66. Миркина З. , Померанц Г. Большие религии сеточка. – М. : Изд. терем Интернационального ВУЗа, 2006. – 280 с.
67. Легенды Старой Греции: Герои Эллады; Пересказ В. В. Смирновой. – М. : РОСМЭН, 2004. – 184 с.
68. Легенды народов сеточка. – М. : Русская энциклопедия, 1987. – т. 1. – 671 с.
69. Легенды народов сеточка. – М. : Русская энциклопедия, 1987. – т. 2. – 756 с.

с.

70. Наговицын А. Е. Мифология и вероисповедание этрусков. – М. : Мысль, 1998. – 523 с.
71. Найдыш В. М. Философия: Мифология. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 563 с.
72. Немировский А. И. Легенды Старой Эллады. – М. : Образование, 1992. – 318 с.
73. Немировский А. И. Идеология и цивилизация ранешнего Рима. – М. : Образование, 1995. – 456 с.
74. Немировский А. И. Этруски. От мифа к летописи. – М. : Образование, 1993. – 497 с.
75. Немировский А. И. Сходбище сочинений: легенды старой Эллады. – М. : Образование, 1992. – 402 с.
76. Нильсон М. Греческая народная вероисповедание. – СПб: Алетейя, 1999. – 218 с.
77. Петискус А. Г. Боги и легенды Олимпа/ Петискус А. Г. . – М. : ???1962. – 356 с.
78. Полоскин В. Миф. Вероисповедание. Правительство: Изучение политической мифологии/ Полоскин В. . – М. : Ладомир, 1999. – 442 с.
79. Потеня А. А. Знак и миф. – М. : Дисциплина, 2000. – 196 с.
80. Словарь античности = lexikon der antike. – М. : Прогресс, 1990. – 704 с.
81. Соколов Г. И. Художество Старого Рима: конструкция, скульптура, живопись. – М. : Образование, 1996. – 224 с.
82. Солоненко А. И. наброски римской мифологии. – М. : Образование, 2005. – 458 с.
83. Тайлор Э. Б. Миф и ритуал в безжалостной культуре/ Тайлор Э. Б. ; Пер. с англ. Д. А. Коропчевского. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
84. Тахо-Годи А. А. Боги и герои Старой Греции. – М. : Словечко, 2002. – 275 с.
85. Тахо-Годи А. А. Греческая мифология. – М. : Фолио, 2002. – 256 с.
86. Токарев С. А. Вероисповедание в летописи народов сетка/ Токарев С. А. .

- М. : Политиздат, 1964. – 559 с.
87. Топоров В. Н. Миф. Обряд. Знак. Образ. : Изучение в области мифопоэтического: Избранное. – М. : ВЛАДОС, 1995. – 624 с.
88. Фестюжьер А. -Ж. Собственная вероисповедание греков. – СПб. : Алетейя, 2000. – 256 с.
89. Хэнкок Г. Отпечатки богов/ Хэнкок Г. ; Пер. И. Зотова. – М. : Вече, 2001. – 496 с.
90. Циркин Ю. Легенды Старого Рима. – М. : АСТ, 2004. – 560 с.
91. Легенды Старого Рима. – М. : АСТ, 2004. – 560 с.
92. Штаерман Е. М. Общественные базы религии Старого Рима. – М. : Дисциплина, 1987. – 362 с.
93. Шталь И. В. Легенды классической древности. – М. : Дисциплина, 1986. – 562 с.
94. Элиаде М. Нюансы мифа. – М. : Мысль, 2000. – 362 с.
95. Элиаде М. Миф о нескончаемом возвращении; Образы и знаки: Священное и мирское. – М. : Мысль, 2000. – 414 с.
96. Яровская И. С. Легенды Старой Греции. – Л. : Лениздат, 1990. – 347 с.